Министерство образования Российской Федерации
Российский государственный
профессионально-педагогический университет
Уральское отделение Российской академии образования

Н.С. Глуханюк, А.И. Колобкова, А.А. Печеркина

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Екатеринбург
2003

УДК 159.9
ББК Ю9
Г55

Глуханюк Н.С., Колобкова А.И., Печеркина А.А. Психология безработицы: Результаты исследований. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. 86 с.

В монографии представлены результаты исследования проблемы безработицы как одного из макросоциальных явлений и как детерминанты психологических изменений, происходящих у человека, потерявшего работу. Впервые в русскоязычной психологической литературе отражены важнейшие зарубежные исследования в этой области, представлены результаты ряда авторских эмпирических разработок, определены подходы, особенности и противоречивые тенденции в изучении безработицы. Вместе с тем монография является информационной основой и технологическим руководством для эффективной социально-психологической работы с незанятым населением.

Книга представляет интерес для научных работников и специалистов в области психологии и социальной работы, преподавателей, аспирантов и студентов, а также практических работников служб занятости.

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-06-00133а

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО Б.А. Вяткин (Пермский государственный педагогический университет); доктор психологических наук, профессор В.П. Прядеин (Уральский государственный педагогический университет); доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО Э.Ф. Зеер (Российский государственный профессионально-педагогический университет)

© Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2003
© Н.С. Глуханюк, А.И. Колобкова, А.А. Печеркина, 2003

Введение

Вопросы психологических детерминант безработицы и неэкономических способов реинтеграции безработных граждан в трудовую деятельность определяют направление исследований проблемы безработицы, которая остается в российской науке мало разработанной в силу исторической «молодости» данного социального явления в нашей стране.

Данная работа представляет собой попытку решения проблемы психологических детерминант безработицы и ее психосоциальных эффектов, выявления степени и качественной специфики психического здоровья человека в ситуации потери работы. Изучение аспектов психического здоровья, которые являются наиболее сенситивными к негативному влиянию безработицы, позволит проектировать технологии психологического сопровождения безработных граждан, направленные на преодоление этих эффектов и повышение толерантности к данной критической ситуации.

Реформирование экономики и развитие рыночных отношений в России выдвинули безработицу в число наиболее важных социальных проблем. Существует определенный контингент людей, которые не могут – ни самостоятельно, ни с помощью системы служб занятости – вернуться на рынок труда. Причинами являются не только объективные, но и субъективные психологические детерминанты.

К сожалению, безработица и ее влияние на психическое здоровье безработных граждан остаются практически вне поля зрения отечественной психологии. Несколько работ, посвященных изучению психологии безработных, не могут удовлетворить потребность в знаниях по данной проблематике. Одни из них носят ярко выраженный прикладной характер и содержат практические сведения, которые имеют ограниченную сферу применения. Другие исследования не имеют разработанной теоретико-методологической базы и направлены либо на диагностику разнородных не связанных в единое целое феноменов, либо на измерение одного из аспек-

тов личности безработных. Некоторые работы являются узкоспецифическими из-за особенностей выборки.

В некоторых странах Западной Европы и США данная проблема является одной из наиболее волнующих и обсуждаемых на протяжении почти всего XX столетия. Тем не менее до сих пор продолжается дискуссия о наличии и степени негативного влияния безработицы на психосоциальное благополучие и психическое здоровье людей, прямо или косвенно включенных в нее, а также о масштабах, механизмах и симптоматике этого явления.

Актуальность проблемы обусловлена отсутствием единого мнения в исследовательском поле относительно методологических подходов, специфики влияния социодемографических условий и длительности сроков отсутствия работы, а также относительно культурологических и психологических детерминант. Поэтому анализ современного состояния исследований приводит к убеждению о необходимости разработки проблемы сопряженности безработицы и психического здоровья на российской выборке.

Основными задачами, на решение которых направлено исследование, являются определение культурно-специфических механизмов воздействия безработицы на психическое здоровье человека методом кросс-культурного сравнения безработных граждан России и Германии, выявление индикаторов психического здоровья, сенситивных к потере и отсутствию работы, и разработка в будущем на основании полученных данных психотехнологий мониторинга и коррекции негативных влияний долговременной безработицы на психическое здоровье человека.

В качестве одного из центральных теоретических подходов в данной работе использовалась каузальная гипотеза о генезисе нарушения психического здоровья безработных граждан под влиянием безработицы.

Феномен психического здоровья эксплицируется авторами в соответствии с предлагаемой О. Бекером трехкомпонентной структурой, базирующейся на положительных установках на себя, окружение и будущее.

Таким образом, нарушение позитивных установок как индикаторов психического здоровья безработных граждан является следствием потери работы и тщетности попыток трудоустройства.

В книге представлен анализ подходов к исследованию безработицы в зарубежной и отечественной науке и практике, на основании которого были сделаны первые экспериментальные шаги.

Исследование проектировалось как сравнительное, в рамках метода поперечных срезов. Экспериментальные группы безработных и работающих граждан были рандомизированы по полу, возрасту, профессии, уровню образования, месту проживания для достижения внутренней валидности; также проводилась балансировка экспериментальной группы с целью контроля дополнительной переменной «продолжительность безработицы».

Данное издание является первой книгой в ряду задуманных авторами и содержит большей частью анализ материалов, полученных коллегами, и лишь некоторые собственные результаты. Тем не менее накопленный опыт позволяет планировать психологическое комплексное кросс-культурное исследование безработицы и ее эффектов.

В монографии использованы результаты, полученные студентами и аспирантами факультета психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета: О.П. Пиянзиной, М.В. Шведовой-Шипулиной, О.В. Золотаревой, О.В. Першиной, проводившими исследования под руководством авторов.

Авторы выражают искреннюю признательность коллегам – преподавателям кафедры теоретической и экспериментальной психологии, а также профессору университета Ганновера, доктору психологических наук Алоису Вакеру за поддержку и атмосферу научного общения.

Глава 1. БЕЗРАБОТИЦА И ЕЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Исследование социального явления «безработица» в зарубежной теории и практике

В настоящее время одна из наиболее острых ситуаций сложилась в сфере занятости населения. Разрешение связанных с безработицей проблем затрудняется тем, что в силу исторических причин это социальное явление в нашей стране относительно молодо. Кризис рынка труда привлекает к себе внимание не только политических деятелей и работников социальных служб, но и специалистов различных областей науки и образования: юристов, социологов, психологов.

К сожалению, до сегодняшнего дня безработица, ее влияние на психику безработных граждан оставались вне поля зрения отечественной психологии, несмотря на то что аналогичные работы в западных странах со всей очевидностью показывают связь между этим социальным явлением и нарушением психического здоровья.

А. Вакер схематично выделяет три основные фазы в развитии исследований по безработице, сориентированные по этапам экономического развития (A. Wacker, 1989).

1-я фаза (с 1930 г. – примерно до 1950 г.) – исследования о воздействиях массовой безработицы во время Великой депрессии 1930-х гг. Согласно представлениям П. Айзенберга и П.Ф. Лазарфельда, доминирующими единицами измерений в широкомасштабных исследованиях были скорее не отдельные индивидуумы, а содержание дома и семей: быт, ведение хозяйства и т.п. (P. Eisenberg, P.F. Lasarfeld, 1938).

2-я фаза (с 1955 г. – примерно до 1970 г.) – промежуточная фаза растущего объема продукции и крайне полной занятости. Исследования послевоенной безработицы в 1950-х гг. и рецессии конца 1960-х гг. можно отнести к той же сфере, что и работы по группе проблем рынка труда.

П. Кельвин и Дж. Джаррет описывают состояние безработных в этот период, в зависимости от конъюнктурного развития: если во времена экономического подъема идет поиск рабочих сил, и почти каждый находит работу, то во время экономического спада (рецессии) принципиально каждый может потерять свою работу. В соответствии с изменением положения безработных одновременно изменяется и постановка вопросов социоэкономических исследований, а вместе с тем и общественное восприятие проблемы: во времена высокой конъюнктуры шел поиск отличительных признаков безработных, которые могли бы объяснить, почему пользующиеся спросом рабочие силы все же остаются безработными; во времена же экономического спада усиливается интерес к вопросу, какие воздействия вынужденная безработица оказывает на «нормального» человека (P. Kelwin, J.E. Jarret, 1985).

3-фаза (с 1975 г. и до сегодняшнего дня) – исследования связаны с начавшимся с середины 1970-х гг. во многих индустриальных странах кризисом занятости (A. Wacker, 1989).

Данные, собранные в основном во время первой фазы должны были дать ответ на вопрос: сохраняется ли способность к работе и занятости, несмотря на длительный срок безработицы? Этот этап проходил под девизом: «Отторжение от рабочей деятельности тянет за собой дезорганизацию личности, угрожает нарушением работоспособности и в результате – реинтеграции на рынок труда, поднимает вопрос об общественной и политической импликации от массовой безработицы проблемы дезинтеграции личности до области самого целого общества» (A. Wacker, 1989). Массовая безработица, представляя собой длительное отторжение желающего работать человека от трудовой деятельности, как утверждают Ф. Пивен и Р. Кловард, также угрожает общественному устройству и социальному порядку. Регулирование социальных отношений является в любом обществе существенно зависимым от стабильной структуры занятости. До тех пор, пока люди исполняют свою трудовую роль, они остаются также в рамках своей активности и воззрений: они делают и думают то, что должны.

Но массовая безработица разрушает эти связи и отделяет людей от тех институтов, которым они должны подчиняться и контролироваться. Если неожиданно большое число людей будет исключено из традиционных профессий, то будет ослаблена общая структура социального контроля, а возможно даже и разрушиться целиком (F.F. Piven, R.A. Cloward, 1977).

Большинство научных работ этого времени носили не столько теоретический, сколько описательный характер, а цели и задачи проводимых экспериментов часто заимствовались из общественных дискуссий, возникавших в связи с опасениями, вызванными ускорением процесса морального разложения, обострением политического радикализма, ростом числа самоубийств среди безработных.

К характерным чертам исследовательских работ первого этапа относится также поиск каких-то глобальных последствий (например, изменение общей психической конституции), которые, согласно ожиданиям, должны были быть типичными для большинства безработных. Наряду с данными по материальному положению и относительно возможной политической импликацией массовой безработицы (либо апатия, либо революционность), исследователи пытались найти всеобщий образец динамики и переработки опыта безработицы, ядро которого они искали в аффективных базовых установках (A. Wacker, 1992).

На втором этапе было осуществлено лишь небольшое количество исследований, посвященных изучению безработицы: в основном – в США, в меньшей степени – в Англии и ФРГ. Спад научно-исследовательского интереса к этой проблеме объясняется почти полной занятостью населения в большинстве стран, после преодоления послевоенного кризиса. В большинстве случаев темы и вопросы исследований были заимствованы из экспериментальных работ 1930-х гг.

«Благополучное» состояние в экономике и, следовательно, на рынке труда продлилось лишь в немногих странах до середины 1970-х гг. В Западной Германии число безработных впервые после Великой депрессии вновь увеличилось на один миллион человек уже в 1950-х гг. Вслед за еди-

ничными эмпирическими исследованиями началось лавинообразное появление новых публикаций по этой проблеме в 1970 – 80-х гг. в Австралии, Англии, США, ФРГ, Нидерландах, Австрии, Швеции, Дании и Финляндии – наступил третий этап в истории исследований социального явления «безработица».

Методологический и методический уровень исследований в среднем возрос. Исследования сфокусировались на специфических аспектах ситуации безработицы, в то время как предшествующие школы чаще всего ограничивались регистрацией симптомов эмоциональной нагрузки, обнаруживаемых у безработных. В литературе этого этапа описано большое количество лонгитюдных исследований, чаще встречаются результаты исследований контрольных групп. Появляются работы, направленные на поиск выхода из этой ситуации, конструктивного преодоления психического напряжения. При активном содействии Всемирной организации здравоохранения (WHO) было проведено большое количество экспериментальных работ, посвященных проблеме негативных воздействий безработицы на здоровье человека.

Третий этап, конечно же, оказал значительное влияние на дальнейшие научные исследования. В круг рассматриваемых вопросов входило дифференцирование по полу, возрасту, социальному и материальному положению (A. Buessing, 1993; J. Cwetanovski, S.M. Jex, 1994; T. Kieselbach, 1997). Однако в качестве основы использовалась 3- или 4-фазовая модель рациональной типологии, предложенная еще П. Айзенбергом и П.Ф. Лазарфельдом. С помощью указанной модели ученые пытаются типологизировать психическое состояние индивидуума при потере работы. Она описывает последовательные этапы, через которые проходит безработный: вслед за начальным шоком (фаза I) следует более оптимистичный этап поиска работы (фаза II), который в случае тщетности всех усилий ведет к резигнации и пессимизму (фаза III) и, в конце концов, завершается фаталистическим отказом от себя самого (фаза IV) (A. Wacker, 1989).

Третий период в истории изучения безработицы психологической наукой характеризуется многочисленностью исследований, затрагивающих различные грани воздействия этого явления на индивидуума, а также высоким методологическим уровнем этих работ.

Одним из центральных противоречий, которое остается неразрешенным до сегодняшнего дня, является дилемма между «селекционной» и «причинной» гипотезами. Первая из них предполагает, что изменение психических особенностей, выявляемых у безработных граждан, происходит вследствие выборочной стратегии работодателей при увольнении и в меньшей степени при приеме на работу. Вторая гипотеза, иначе называемая «каузальной», причинно обуславливает их появление воздействием безработицы (A. Wacker, 1983; A. Buessing, 1987; D. Fryer, 1990). К сожалению, даже очевидное улучшение методологического уровня исследований пока не приближает нас к однозначному ответу.

Анализ исследований англоязычных авторов показывает, что в качестве детерминант безработицы они выделяют социальную обусловленность данного явления. Большинство их исследований посвящено изучению влияния безработицы на здоровье.

С. Картли и Дж. Фрайер в 1930-х гг. разработали «ортодоксальную парадигму», в рамках которой была зафиксирована зависимость между безработицей и уровнем заболеваемости, госпитализации и смертности. Безработица оказывает мощное негативное влияние прежде всего на психическое здоровье людей. Люди, потерявшие работу, становятся более беспокойными, они подавлены, несчастны, не удовлетворены жизнью в целом. Для безработных характерны заниженная самооценка, повышенная вспыльчивость, склонность к фатализму и пессимизм в отношении будущего. В ходе длительных наблюдений исследователи установили, что у безработных чаще, чем у работающих, встречаются симптомы психического дистресса, их психическое состояние заметно ухудшается именно после увольнения. Аналогичные данные о нарушении психического само-

чувствия у безработных получили С. Манила и Э. Лахельма (С. Манила, Э. Лахельма, 1988).

К. Леана и Д. Фельдман в своем исследовании зафиксировали негативное влияние безработицы на семью. Так, авторы установили, что мужья и жены, потеряв работу, часто проявляют меньшую сплоченность и взаимную поддержку, чем раньше, в связи с этим чаще возникают конфликты. Отмечается, что безработные отдаляются от семьи, покидают ее или разводятся в 3 – 4 раза чаще, чем работающие, на основании чего авторы делают вывод о значительной угрозе безработицы семье (К. Леана, Д. Фельдман, 1995).

В ряде исследований выявлена связь между безработицей и суицидом. Так, увеличение безработицы в США на 1 % (если она затем не снижается в течение пяти лет) дает прирост самоубийств на 4,1 %, а первичное обращение в клиники для душевнобольных увеличивается на 4,0 %, смертность от алкоголизма – на 1,9 %, а общий показатель смертности – на 1,9 %. В такой ситуации увеличивается и количество тюремных заключений на 4,0 %, а количество убийств – на 5,7 %. Это подтверждает связь безработицы с делинквентными формами поведения (М. Аргайл, 1990).

Зарубежные исследователи отмечают значительную стрессогенную нагруженность, приводящую к ухудшению самочувствия, негативным изменениям в семейной сфере и межличностном общении, возникновению деструктивных форм поведения в результате потери работы. Именно это побудило авторов шкалы Холмса – Рея, отражающей влияние стрессогенных событий на жизнь человека, поместить данное событие на восьмое место. По результатам аналогичного исследования Дж. Виткин, проведенного в начале 1990-х гг. среди 2300 женщин, увольнение с работы переместилось с восьмого на пятое место сразу после смерти близкого человека, а оценка значимости этого события поднялась с 47 до 83 баллов. Очень часто этой позиции присваивали и 100 баллов, а более чем 50 % женщин дали ей 90 баллов (Дж. Виткин, 1996). Данное исследование представляет для

нас особый интерес в связи с тем, что в нашей стране безработными чаще всего становятся женщины.

На основании анализа зарубежных исследований можно сделать вывод о том, что безработица изучается во всем многообразии оказываемых ей эффектов и с использованием различных методологических и методических подходов. Это не позволяет отследить системные характеристики психической детерминации и психосоциальных эффектов, но дает возможность систематизировать опыт изучения и определить проблемное поле дальнейшего поиска.

1.2. Аналитический обзор исследований безработицы в России

Наибольший охват исследование безработицы в России получило в рамках социологии. Исследовательские работы данного направления можно условно разделить на три группы: социологические, социально-экономические, социально-психологические.

Так, М.Г. Гильдингерш в своей диссертации, посвященной анализу и характеристике безработицы в России, определяет ее сущность, формы и социальные последствия. Автором установлена связь безработицы с делинквентными формами поведения, которая характеризуется следующими данными. В западных странах рост преступности за счет безработных лиц составляет более 46 %. По данным официальной российской статистики, в нашей стране этот показатель равен 39 %. Автор также обращает внимание на то, что применительно к России необходимо учитывать огромные масштабы скрытой безработицы, которая является основой для роста преступности. Особую криминогенную опасность представляет молодежная безработица и застойные формы незанятости (М.Г. Гильдингерш, 1995).

Из результатов исследования М.Г. Гильдингерш, следует вывод о преобладании в нашей стране безработных женщин. Этот вывод под-

тверждается результатами исследований А.А. Гармашева (А.А. Гармашев, 1996).

В рамках социологических исследований были определены также возрастные особенности безработных, основные причины безработицы, виды адаптационного поведения в сложившихся кризисных условиях, проанализированы безработные с точки зрения динамики «бедности», а также выделены социокультурные особенности безработных, их социальные ожидания на примере Московской области (З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, 2001).

Наиболее уязвимыми оказались работники квалифицированного труда – рабочие, интеллигенция, что является результатом общего спада производства, его сокращения, резкого изменения социального статуса и роли представителей интеллектуального труда. Самый высокий удельный вес безработных – в промышленности и строительстве, а наиболее представительными возрастными группами являются молодые – до 30 лет и от 30 до 39 лет. Среди основных причин безработицы выделяются неудовлетворенность оплатой труда и последствия структурной перестройки экономики страны.

Основным фактором адаптации, по мнению З.Т Голенковой и Е.Д. Игитханян, является желание или нежелание человека найти работу и снова начать работать. Фактически все опрошенные это желание изъявили. Первый шаг в его осуществлении обычно связан с обращением в службу занятости. Из всех обследованных, обратившихся за помощью в службу занятости, 67,2 % остались «не совсем довольны», 16,4 % – «не довольны», остальные затруднились ответить. Ищут работу главным образом через личные контакты: обращение к друзьям, родственникам, знакомым, через объявления в газетах.

Безработица как социальное явление приводит к деструктивным процессам в развитии, к концентрации бедности и маргинализации населения. Особая опасность для конструктивного развития общества заключается в том, что происходит размывание групп среднего класса, поскольку

ядро фиксируемых безработных – это рабочие и интеллигенция. В связи с этим при решении вопросов, связанных со стабилизацией уровня жизни населения, необходимо учитывать особенности положения всех социальных групп, испытывающих тяготы последствий кризиса (З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, 2001).

Социологическое обследование, проведенное М.А. Гуревичем и Т.Ю. Радиловской в Челябинске, позволило выделить приоритетные проблемы, наиболее волнующие горожан. К ним жители города отнесли: задержку зарплаты, пенсий, рост цен и преступности, безработицу, социальную незащищенность, экологическую среду в городе, нестабильность в стране. Ситуация с безработицей, по мнению авторов, такова, что все большее число челябинцев будут постоянно испытывать на себе ее гнетущее влияние (М.А. Гуревич, Т.Ю. Радиловская, 1997).

Исследуя проблему женской безработицы в сельской местности, П.М. Ельчанинов установил ее причины. Во-первых, сельское хозяйство Российской Федерации является отраслью с самой высокой женской занятостью. От общего числа занятых в сельском хозяйстве женщины составляют почти половину. Во-вторых, доля женщин в составе сельского населения преобладает. В-третьих, до недавнего времени женщины на селе представляли значительную часть специалистов и сельской интеллигенции: агрономы, зоотехники, экономисты, учителя, врачи, работники правлений колхозов и т.д. Безработица влечет за собой снижение мотивации к труду, способствует развитию криминальной обстановки на селе, распространению алкоголизма. Положение усугубляется самой низкой оплатой труда работающих на селе.

По мнению автора, проблему сдерживания безработицы в сельской местности может решить политика занятости на селе, предусматривающая конкретные меры по стабилизации жизнедеятельности села. (П.М. Ельчанинов, 2001).

Обследование безработных Алтайского края, проведенное Л.Г. Миляевой, О.И. Маркеловым, Н.П. Подольной, позволило выявить

факторы, наиболее важные для женщин при выборе работы: близость к месту проживания, соответствие имеющейся специальности и высокий уровень заработной платы.

Авторами также были определены три типа поведенческих установок безработных женщин: первый тип – сторонницы активного экономического поведения (инициативны, по разным каналам ищут работу); второй тип – инертно-выжидательный (полагаются в основном на помощь родственников, друзей, знакомых); третий тип – пассивные фаталистки (считают, что найти работу сейчас невозможно и им уже ничто не поможет). Возможными вариантами решения проблемы занятости женщин могут стать, по мнению авторов, подготовка специалистов на «будущее» и введение стажировки обучающихся на предприятии. Важно выявить профессии и специальности, а также сопряженные рабочие места с преобладанием женщин, которые оказались лишними; возможности создания новых рабочих мест для женщин (Л.Г. Миляева, О.И. Маркелов, Н.П. Подольная, 2001).

В группе социально-экономических исследований Л.А. Гордон, Э.В. Клопов рассматривают безработицу в контексте общих социальных процессов, протекающих в переходном российском обществе с 1991 г. по 1998 г. Быстрый рост безработицы в России 1990-х гг. – одна из наиболее значимых примет переживаемого кризиса. Темпы роста российской безработицы были значительно более медленными, чем это происходило бы под воздействием одних только экономических факторов. Они оказались меньшими, чем во многих индустриально развитых и стабильных обществах.

Ситуация с безработицей в России заметно отличается и от развития аналогичных процессов в ряде других бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Переходный период у нас был острее, спад производства глубже, чем в этих странах, а уровень безработицы в 1,5 раза ниже, чем в других странах.

Известно, что рост безработицы связан с необходимостью снижения издержек производства. Теоретически эту проблему предприятия решают путем либо сокращения части работников, либо уменьшения оплаты труда. В России же уравнительные настроения, неподготовленность большинства управленцев к условиям рынка предопределили возможность сокращения оплаты труда при сохранении избыточной занятости.

Пока рост безработицы продолжается, как и прежде, в замедленном темпе, а в самом слое безработных происходят некоторые качественные изменения. Самым значимым из них является то, что для все большей части потерявших работу это состояние растягивается на долгое время.

Российские безработные не образуют особого относительно гомогенного слоя. Скорее, они составляют промежуточную, текучую категорию экономически активного населения страны, характерной чертой которого является отсутствие постоянного рабочего места или доходного занятия.

По результатам исследования авторы сделали два вывода. Первый вывод состоит в том, что в России появилась массовая безработица, которая хотя и не достигла пиковых значений, однако служит причиной ухудшения материального положения большинства населения. Согласно второму выводу, расширение сферы безработицы в нашей стране оказалось весьма сложным и противоречивым процессом с неоднозначными последствиями (Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, 2000).

В группе социально-психологических исследований С.А. Карташов, С.Л. Дановский по результатам мониторинга, проведенного с 1992 г. по 1996 г. в Москве, составили социальную типологию безработных, основанием которой явились причины обращения в службу занятости:

- высвобожденные (сокращены по штату);
- уволенные по собственному желанию;
- ранее долго не работавшие;
- выпускники вузов и техникумов;
- выпускники средней школы.

Ученых больше всего интересовали три первых типа безработных, так как их представители составляют около 90 % от общего числа безработных, обратившихся в службу занятости. Мониторинговое исследование показало, что за четыре года количество высвобожденных сократилось почти в два раза, на такую же величину возросло количество безработных, уволившихся по собственному желанию и длительно не работавших.

Определена динамика изменений отрицательного эмоционального состояния высвобожденных: люди все больше привыкают к безработице и все меньше на нее смотрят как на вселенскую катастрофу.

С.А. Карташов и С.Л. Дановский рассмотрели отношение к службе занятости. Анализ данных показал, что если раньше обращение в службу занятости воспринималось как вынужденная мера, поиск материальной и социальной выгоды, то в последнее время безработные начинают гораздо больше ценить другие возможности, предоставляемые службой, в частности право переобучения и обучения новой профессии или специальности, пользующейся спросом на рынке труда. Результаты анализа показывают, что не существует зависимости между уровнем профессионального образования (высшее, среднее специальное, начальное профессиональное), утратой квалификации и желанием обучиться новой профессии, т. е. все желают обучаться. Несколько больше желание обучиться высказывают уволенные и долго не работавшие.

Общая тенденция мотивации к труду для всех безработных, особенно для высвобожденных, такова. Слагаемые будущего труда, а именно самореализация, социально-психологические условия, зарплата, карьера, связаны с бытовыми условиями труда. Состояние такой мотивации объясняется спецификой социально-профессионального и социально-демографического состава безработных, а также тем, что престижа рабочих профессий нет.

Большинство безработных свое состояние в статусе безработного характеризуют как негативное. Установлено, что состояние тревоги, которое испытывают безработные, подвержено определенной динамике: тревож-

ность особенно ярко выражена в течение первых трех месяцев пребывания на учете в службе занятости, затем происходят спад (в продолжении четырех – восьми месяцев) и рост после девяти месяцев пребывания на учете. Зачастую тревожность можно объяснить тем, что, во-первых, безработный имеет профессию, по которой уже утратил квалификацию, во-вторых, размером получаемых им доходов, суммой пособия, социальной и материальной поддержкой от ближайших родственников.

Исследование позволило определить различие в отношении безработных мужчин и женщин к службе занятости. Для безработных женщин, считающих, что обращение в службу занятости позволит получить им престижную, денежную профессию, характерны такие психологические особенности, как радикализм, активное восприятие нового и быстрое включение в нестандартные ситуации, недостаточный контроль за эмоциональными проявлениями, менее развитое чувство долга и ответственности. Безработных мужчин можно охарактеризовать как людей настойчивых, доминантных, временами прямолинейных, хотя и подозрительных.

Таким образом, исследовательский мониторинг состава и состояния безработных дает обширный фактологический материал, позволяющий учитывать его в политике занятости, строить практическую работу с безработными (С.А. Карташов, С.Л. Дановский, 1998).

С.Л. Дановский на основании социологического опроса, совмещенного с психологическим тестированием, определил типы отношений к бирже труда. Главными признаками при типологизации безработных стали причины их обращения на биржу труда, так как именно отношение к ней формирует поведение безработных на рынке.

Среди вариантов отношений безработных к бирже труда выделяются следующие типы. Первый тип отношений характеризуется вынужденной необходимостью обращения, которая дает определенную социальную защиту человеку в сложном создавшемся положении – возможность получить пособие, не потерять непрерывный стаж работы и т.п. Второй тип связан с желанием и возможностью найти работу и трудоустроиться по

профессии (специальности). Третий тип отношений определяется возможностью переквалифицироваться – приобрести новую профессию, четвертый – возможностью трудоустроиться вообще по любой профессии (специальности), пользующейся спросом на рынке труда. Пятый тип отношений (негативный) характеризуется тем, что биржа труда представляется ненужной, так как она порождает нездоровые надежды на государство, а не на себя.

Среди безработных первого типа отношений много лиц с иждивенческим восприятием биржи труда. Во втором типе доминирует идеализированное представление: безработный убежден в том, что биржа труда обязана его трудоустроить по имеющейся у него профессии, причем рыночный спрос на его профессиональное трудоустройство таким безработным очень часто игнорируется. Представители третьего типа отношений занимают промежуточное положение между двумя первыми и последними, так как их требования и ожидания не всегда совпадают с требованиями рынка труда и возможностями биржи. Безработные четвертого типа отношений воплощают практически идеальный тип, сознающий цели и задачи биржи, ее возможности, учитывают и интересуются спросом на профессиональный труд. Представители пятого типа отношений ничего хорошего от биржи труда не ждут и спокойно принимают те рекомендации и решения, которые им предлагают, считая, что помочь в трудоустройстве они могут только сами себе, а раз зарегистрировались на бирже труда, то надо хотя бы формально выполнять ее требования.

По результатам тестирования были выявлены общие психологические качества, характеризующие в целом портрет безработного: невысокий уровень социальной смелости; покорность, уступчивость, конформность; пессимистичность и осторожность в поведении; подозрительность, недоверчивость; высокий уровень тревоги и беспокойства; достаточно хорошо развитый интеллект; обязательность в выполнении социальных норм поведения; эмоциональная устойчивость на уровне маргинального состояния,

которая на фоне показателей тревоги и самоконтроля может приводить к фрустрированному состоянию.

Таким образом, в обслуживании различных социальных групп или типов безработных на бирже труда необходим дифференцированный подход в социологическом, психологическом и юридическом аспектах. Более полная характеристика требует продолжения исследований (С.Л. Дановский, 1994).

А.Н. Демин, И.П. Попова, проведя исследование с помощью известных социологических методов (полуструктурированное интервью, метод фокус-группы, нарративные интервью), выделили ряд способов адаптации, используемых безработными:

1. Борьба с государством, «ограбившим» своих граждан несколько раз. Поэтому адаптация характеризуется принятием данной позиции и связанных с ней ролей, а ситуация воспринимается людьми как данность в ненормально устроенном мире, которую надо использовать.

2. Рентные отношения с государством, которые являются более мягкой и прагматичной формой по сравнению с предыдущей. Человек не торопится предпринимать какие-то активные действия, пока получает пособие по безработице в достаточном для жизни размере. В своих планах он напрямую связывает начало поисков работы с уменьшением пособия до приемлемого для себя уровня. Люди воспринимают потерю работы как возможность отдохнуть, даже как длительный оплачиваемый отпуск, своего рода вознаграждение за отданный государству труд. При этом чем старше человек, тем выше вероятность его вступления в рентные отношения с государством.

3. Демонстрация защитного, избегающего поведения. Оно характеризуется тем, что в одних случаях человек старается не замечать проблем, с которыми он столкнулся. В других случаях человек всячески уходит от предложенной ситуации, которая требует от него усилий, настойчивости, нового взгляда. Сознание людей, реализующих данную форму поведения, детерминировано сложившимися обстоятельствами, будущее предстает

для них перспективой, которая определяется внешними силами; у них нет уверенности в своей способности изменить ситуацию.

4. Хаотический поиск. Поведение без осмысления вариантов и последствий принимаемых решений. Человек берется за все, что подворачивается под руку. На первый взгляд такое поведение может приносить определенную пользу, но, как показывают наблюдения, если оно сопряжено с резким падением заработной платы на новом месте работы, понижением социального или профессионального статуса, у людей со временем возникают тяжелые психологические состояния, аккумуляция которых может приводить к общей неудовлетворенности, агрессивности.

5. Поиск в условиях ограниченной информированности. Представители этой формы поведения готовы действовать в направлении решения своих социально-профессиональных и жизненных проблем, но у них явно наблюдается дефицит информации, которую они могли бы использовать в своих поисках. В целом существование данной формы обусловлено отсутствием у человека информации и инструментов ее поиска, что сдерживает его активность.

6. Продуктивное иждивенчество. Имеется в виду особый вариант отношений со своим ближайшим окружением. Человек использует ресурсы близких. Эта форма вытекает из статуса предопределенной идентичности, суть которой в следовании семейным или культурным традициям при осуществлении жизненного и профессионального пути.

7. Целенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети, к которой относятся:

- «активная инвентаризация» связей своих родственников, старых друзей, знакомых, обращение к ним за помощью;
- внутрисемейная консолидация – семейные советы и взаимная поддержка членов семьи;
- создание референтного круга общения, в котором культивируются взаимопомощь и разного рода обмены;

• репутационная стратегия труда, которая состоит в том, что человек находит работу, зарекомендовав себя на одном из прежних рабочих мест.

8. Действенная конкретизация образа самого себя, своих планов и оценок происходящего. Данный способ адаптации включает в себя:

• осознание и активное использование индивидуальных ресурсов в качестве средства или источника достижения нужного результата;

• предметность оценок, намерений, планов;

• способность конкретизировать свои планы;

• накопление и рефлексия опыта поведения на свободном рынке труда.

9. Достраивание контекста текущей жизненной ситуации. В этом способе адаптации авторы выделяют два механизма:

• отношение к трудной ситуации как совокупности шансов, которые открываются, планируются, используются самим человеком;

• способность видеть множество сфер приложения своих сил, что позволяет легче переживать кризис.

Указанными выше способами адаптация безработных вряд ли исчерпывается. Следует отметить, что различные формы могут стабильно присутствовать в поведении одного и того же человека, сочетаться в одной ситуации (С.Л. Демин, И.П. Попова, 2000).

Таким образом, анализ исследований в общественных науках показал, что наибольшее внимание уделяется рассмотрению аспектов, связанных с определением особенностей безработицы в зависимости от особенностей экономической ситуации в стране, региона, пола. В смежных с психологией исследованиях делается попытка определить психологический портрет безработного, выделить особенности адаптации и поведения в ситуации потери работы.

В отечественной психологии исследования безработицы представлены, к сожалению, не так разнообразно, как в зарубежной теории и практике и отечественных смежных науках. Анализ доступных нашему внима-

нию публикаций позволил выделить работы А.К. Осницкого и Т.С. Чуйковой, И.А. Волошиной и В.А. Гребенникова, И.В. Кузнецова и Н.В. Соколовой, В.К. Оше и ряд других.

А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова установили, что ситуация потери работы для большинства людей связана с переживанием кризисных состояний, обусловленных вынужденной деформацией стиля жизни человека, его ценностных ориентаций. Особенности разрешения ситуации потери работы связаны с индивидуально-особенными характеристиками человека, определяемыми в значительной мере накопленным опытом субъектной активности.

Выявлены три стратегии разрешения кризисной ситуации, связанной с потерей работы. Безработные, демонстрирующие стратегию активного поиска, не ограничиваются ориентацией на одну профессию, учитывают возможности переориентации в профессии, используют разнообразные направления поиска работы, оптимистично относятся к перспективам устройства на работу. Менее активной является компенсаторная стратегия. Безработные, демонстрирующие эту стратегию, не занимаются активным поиском работы, переключая свою активность в другие сферы, связанные с семьей, воспитанием детей, учебой, творческим досугом. Наименее эффективной в отношении поиска работы и личностной самореализации человека оказалась пассивная стратегия. Безработные, избрав эту стратегию, не предпринимают усилий по изменению неудовлетворительной ситуации, им свойственны пессимизм в оценке перспектив своего труда, сниженный фон настроения.

Выделены индивидуальные различия безработных в разрешении кризисной ситуации, определяемые различиями в сформированности отдельных компонентов опыта субъектной активности. Авторы также указывают на возможность коррекции неоптимальных стратегий следующим образом: во-первых, через рефлексивный анализ субъектной активности и формирование умений саморегуляции; во-вторых, через использование

данных умений в решении задачи поиска работы (А.К. Осницкий, Т.С. Чуйкова, 1999).

И.А. Волошина, В.А. Гребенников исследовали изменение личностных характеристик безработных граждан. Результаты, полученные авторами, свидетельствуют об определенном своеобразии личности, которое обусловлено наличием следующих характеристик: тактичность в общении, высокий уровень самоконтроля, конкретное мышление, практичность во взглядах и установках, склонность следовать общепринятым нормам и правилам поведения, склонность к подчинению, зависимость от мнения окружающих.

В то же время авторам не удалось выявить различия в эмоциональном состоянии и личностных особенностях безработных в зависимости от длительности потери работы, вопреки распространенным теоретическим представлениям о специфике реакций в зависимости от стажа безработицы. В работе установлены значимые различия личностных качеств участников исследования до и после групповой работы (И.А. Волошина, В.А. Гребенников, 1998).

Теоретический анализ* психологических особенностей поведения и проявлений человека в ситуациях, связанных с потерей работы, показал, что существуют значительные индивидуальные различия в переживании данной ситуации. Наряду с безработными, испытывающими всю гамму негативных чувств (тревогу, отчаяние, агрессию, чувство несправедливости), есть люди, для которых эта ситуация не несет угрозы, а побуждает к активным действиям.

Таким образом, появляется необходимость рассмотрения индивидуально-психологических особенностей человека в ситуации потери работы и решения дилеммы: потеря работы есть результат особого психологического склада личности или потеря работы есть причина психологических изменений.

---

* Анализ проводился в основном по материалам зарубежных исследований и отдельных работ отечественных авторов.

1.3. Психологические особенности человека в ситуации потери работы: результаты опубликованных исследований

Существует определенный контингент людей, которые не могут ни самостоятельно, ни с помощью системы служб занятости вернуться на рынок труда. Причинами являются не только объективные, но и субъективные психологические детерминанты.

Психологическая практика и разнообразные теоретические исследования доказывают, что потеря работы вследствие вынужденного увольнения приводит к различным негативным изменениям в поведении и эмоциональных реакциях людей. Так, установлено, что для потерявших работу, как правило, характерны:

- переживание состояния депрессии;
- снижение чувства удовлетворения жизнью;
- усиление чувства одиночества и социальной изоляции;
- потеря ощущения времени, отсутствие распорядка дня;
- нарастание апатии, пассивности и покорности;
- преобладание настроений пессимизма и фатализма в отношении к жизни в целом;
- потеря стремления к упорядоченности в своей жизни;
- повышение возбудимости, агрессии (Ф.С. Исмагилова, 1999).

Потеряв работу, человек утрачивает возможность удовлетворять свои высшие потребности в самореализации, социальных связях и контактах. Активизируется потребность в безопасности: страшит неизвестность завтрашнего дня, когда нет уверенности в возможности что-либо изменить, на что-то повлиять, утрачивается чувство жизненной стабильности. Затрудняется реализация потребностей низших уровней: приходится ограничивать себя в средствах, нет возможности реализовать себя в целенаправленной активности.

Постепенно по мере продолжения периода безработицы нарушается целостность иерархии мотивов. Значимые мотивы, например забота о своем авторитете, профессиональной компетентности, теряют свою актуальность, менее значимые – проблема времяпрепровождения – начинают выступать на первый план. Неудовлетворенность потребностей, нарушение их привычной иерархии вызывают у безработного неудовольствие, беспокойство и другие отрицательные эмоции, вплоть до открытой агрессии.

Потеря работы неизбежно сопровождается изменениями в поведении человека. Наиболее простыми являются изменения, носящие внешний характер и относящиеся к организации дня, когда появляется много свободного времени. Подобные действия безработного являются следствием естественной утраты им способности к самоорганизации, снижения актуальности ориентировки во времени.

Французский психолог Лавье, исходя из положения, что эмоциональные переживания оказывают влияние на поведение безработного, утверждает, что человек, теряя работу, неизбежно и закономерно проходит определенные стадии эмоционального переживания потери работы. Типология переживания безработных, предложенная автором, выглядит следующим образом.

Первая стадия – шок, эмоциональное потрясение. Иногда человек переживает эту стадию, еще не уволившись с предприятия, а только узнав о предстоящем увольнении. Во многих случаях это кратковременное состояние сопровождается чувством облегчения: событие, которое давно ожидалось наконец свершилось, а следовательно, закончилась тягостная неопределенность.

Вторая стадия – стадия неприятия действительности. Безработный отказывается верить в то, что с ним случилось. Отказ принять травмирующую действительность тем острее, чем неожиданнее и мало вероятнее для человека была потеря работы.

Третья стадия – гнев, негодование по поводу того, что произошло. Открытое возмущение безработный может адресовать кому угодно: родственникам, бывшим коллегам, всем, кто его окружает или мог быть хотя бы косвенным виновником того, что с ним произошло.

Четвертая стадия – депрессия, подавленность, тоска, состояние, близкое к полному отчаянию. Резко снижается волевая регуляция и поисковая активность. Это стадия «ухода в себя», когда безработный примиряется с мыслью об отсутствии перспектив, бесполезности попыток изменить что-либо в жизни, собственной ненужности.

Пятая стадия – переоценка ценностей. Здесь, как правило, наблюдаются два варианта развития: переоценка ценностей происходит или не происходит. Стадия переоценки ценностей предполагает пересмотр безработным отношения к себе и ситуации. Это стадия формирования намерений действовать, стремления любыми средствами пытаться изменить ситуацию, вырваться из нее. Если переоценки ценностей не происходит, то ситуация принципиально не меняется. Сохраняется ощущение бесперспективности и собственной ненужности (Психологические аспекты собеседования с безработными, 1995).

Л. Пельцман описывает четыре фазы стрессовых состояний в связи с потерей работы.

Первая из них – состояние неопределенности и шока. В этой фазе эмоции выступают как фактор риска. В результате чего человек подвержен другим неприятностям: болезням, несчастным случаям. Л. Пельцман особо подчеркивает, что патогенным фактором является не сама потеря работы, а угроза того, что это произойдет.

Во второй фазе субъективного облегчения и конструктивного приспособления к ситуации наблюдаются некоторая эйфория и улучшение состояния.

Третья фаза характеризуется утяжелением состояния, что выражается в снижении сопротивления неприятностям.

Четвертая фаза характеризуется не только беспомощностью и примирением со сложившейся ситуацией, но и страхом ее изменения, например, боязнью найти работу (Л. Пельцман, 1992).

К. Леана и Д. Фельдман описывают и обосновывают следующую закономерность: чем тяжелее ощущают люди увольнение, тем меньше их уверенность в обратимости ситуации и в возможности получить работу; чем больше они видят причины их безработицы во внешних обстоятельствах, тем пассивнее становятся. Чем дольше личность находится без работы, тем больше она будет рассматривать потерю работы как необратимую. А это, в свою очередь, будет соответствующим образом окрашивать чувства и поведение человека.

Авторы установили следующую закономерность: чем дольше индивидуумы находятся без работы, тем менее обратимой они считают сложившуюся ситуацию и, следовательно, тем ниже оценивают свою способность восстановить сравнимую с прошлой занятость (К. Леана, Д. Фельдман , 1995).

Таким образом, анализ стадийных теорий безработицы позволяет предполагать, что чувство беспомощности, доля негативных эмоций у безработного будет возрастать по мере увеличения времени его нахождения без работы.

В настоящее время в литературе представлено несколько типологий безработных граждан, выделенных по различным основаниям.

В зависимости от уровня активности и самостоятельности безработных можно условно разделить на четыре типа (Р. Рикка, 1993).

Безработные первого типа не нуждаются в услугах службы занятости. Они полностью самостоятельны и сохраняют способность быстро справиться с ситуацией и найти подходящую работу. Как правило, это специалисты, которые хорошо владеют несколькими профессиями или специальностями, имеют разнообразный опыт работы и потому достаточно конкурентоспособны на рынке труда. Они могут даже быть не зарегистрированы в центре занятости.

Безработные второго типа, как правило, обязательно регистрируются в центре занятости, стремясь максимально использовать все предлагаемые им услуги. Они самостоятельно принимают решения о том, какая работа является для них наиболее подходящей. Как правило, их профессиональные планы достаточно адекватны и обоснованы, в результате безработные этого типа сравнительно быстро трудоустраиваются.

Безработные третьего типа долго и болезненно переживают потерю работы. Длительное время они заняты именно своими переживаниями, а не поиском нового места работы. Только по истечении года наступает стадия переоценки ценностей, и при помощи социально-реабилитационных программ безработный может принять решение об изменении своей профессиональной ситуации.

Безработные четвертого типа – люди, для которых потеря работы неизбежно оборачивается глубокими, необратимыми социальными потерями в остальных сферах жизни. Это потенциальные алкоголики, наркоманы, социально опустившиеся элементы, для которых потеря работы становится провокационным толчком к неблагоприятным личностным сдвигам.

Исследование К. Леана и Д. Фельдмана показывает, что человек, сталкивающийся с неопределенностью, угрожающими и разрушительными изменениями в своей жизни, например, при потере работы, реагирует тремя способами:

- пытается осмыслить ситуацию на когнитивном уровне;
- воспринимает ситуацию на уровне эмоций;
- погружается в переживание своей проблемы с последующими физиологическими сдвигами.

Поведение безработных также определяется особенностями их восприятия, эмоциональной сферы и физиологических реакций. Все эти факторы характеризуют способность безработного противостоять безработице. Р. Рикка, описывая природу коупинга – справляющегося поведения в форме «активных попыток индивидуумов упорядочить жизнь после того,

как они пережили стресс» (от англ. соре – справляться), выделяет три его вида:

- «проблемно-сфокусированный» – предполагает попытку изменить окружающую обстановку посредством устранения самого источника стресса, например, поиск работы или переобучение на новую профессию;
- «симптомо-сфокусированный» – направлен на снижение уровня депрессии и чувства одиночества, вызванного потерей работы, например, вхождение в группы социальной поддержки, получение пособия, пользование льготами;
- «паллиативный коупинг» – характеризуется активностью, которая направлена на снижение негативных реакций в связи с потерей работы, но не на изменение ситуации как таковой. Безработные могут использовать различные психологические защитные механизмы, чтобы подавлять чувства, вызванные увольнением, или пытаться отвлечься от реальности с помощью, например, алкоголя или наркотиков. К сожалению, эти люди довольно часто используют паллиативный коупинг, несмотря на то, что он мало помогает в решении проблем и, более того, лишает их энергии и желания найти работу (К. Леана, Д. Фельдман , 1995).

В зависимости от избираемой стратегии разрешения кризисной ситуации, связанной с потерей работы, выделяют три группы безработных, демонстрирующих стратегии активного поиска, компенсаторную и пассивную (Ф.С. Исмагилова, 1999).

Анализ существующих типологий безработных граждан свидетельствует о разнообразии оснований, по которым осуществляется типология: эмоциональные переживания ситуации потери работы; уровень активности в решении проблемы трудоустройства; социальная принадлежность и др. Подобное разнообразие определяет исследовательский интерес к проблеме, но, к сожалению, не позволяет решать конкретные задачи, связанные с определением уровня влияния ситуации потери работы на человека, в частности, его психическое здоровье.

1.4. Психическое здоровье как показатель влияния безработицы на человека

Изучение психического здоровья как показателя взаимосвязи социального явления «безработица» и жизненного и профессионального пути человека стало следующим этапом нашего исследования.

1.4.1. Общая характеристика феномена

Психическое здоровье – одна из наиболее остро обсуждаемых проблем в психологии. Понятие «психическое здоровье» фигурирует в концепциях множества ученых, начиная с древних времен. Им интересовались философы Алкмеон, Цицерон, Эпикур, психологи различных школ и направлений: З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, Ф. Перлз, А. Маслоу, В. Франкл. Среди отечественных исследователей изучением этой проблемы занимаются Т.Ф. Акбашев, В.И. Белов, Б.С. Братусь, П.Б. Ганнушкин, А.Е. Личко.

Однако, несмотря на многочисленные теоретические и практические разработки категории здоровья, ее статус на сегодняшний день весьма неоднозначен.

При определении понятия «психическое здоровье» существуют разночтения. Так, в словаре психическое здоровье определяется как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических проявлений и обеспечивающее адекватную условиям действительности регуляцию поведения и деятельности (Словарь практического психолога, 1997).

Некоторые авторы определяют психическое здоровье как идеальное понятие, основанное на творческих принципах свободы, духовности, индивидуальности, социальной интегрированности. Это не фиксированное состояние бытия, не состояние добродетели, удовлетворенности, счастья. Это не конечный пункт, а направление, в котором человек движется, следуя своей истинной природе. А самая сущность природы человека конст-

руктивна, реалистична, разумна, активна и весьма заслуживает доверия (З.И. Гришанова, Е.В. Левченко, 2002).

А. Маслоу указывает, что психическое здоровье «хронологически» незрелой личности есть не что иное, как здоровое развитие, а поскольку последнее понятие является концептуально подчиненным, уточняет его – развитие в направлении самоактуализации. Все подходы к самоактуализации А. Маслоу, в свою очередь, сводит к двум, не вызывающим сомнения у большинства исследователей характеристикам: реализация человеком собственной идентичности, самости, способностей и возможностей и минимизация заболеваний, неврозов, психозов.

Э. Эриксон предпочитает говорить не о психически здоровой личности (бескризисной, бесконфликтной, безмятежной), а о витальной (жизнеспособной, жизненной, живой), переживающей достаточно болезненные перестройки и каждый раз справляющейся с очередной жизненной задачей (Н.В. Коптева, 2002).

Неоднозначность определения данного феномена связана с тем, что существует множество подходов к его пониманию. Нами систематизированы подходы к исследованию психического здоровья, а также выявлены основные ограничения их применения (табл. 1). При этом некоторые подходы остались за пределами нашего рассмотрения, в частности психофизиологический подход, базирующийся на теориях стресса и гомеостаза (Г. Селье, У. Кеннон), и христианский подход, наиболее распространенный в отечественной психологии и психиатрии. При рассмотрении взглядов на психическое здоровье дифференциация подходов по направлениям современной психологии (гуманистический, поведенческий, психодинамический и т.п.) оказалась нецелесообразной.

Подходы, которые характеризуются масштабностью рассмотрения психического здоровья человечества, относятся к глобальным и включают эволюционистский, социально-ориентированный (кросс-культурный), дискурсивный (диспозитивный), аксиологический и акмеологический подходы. Подходы, описывающие психическое здоровье человека, относятся к

Таблица 1

Подходы к исследованию психического здоровья в психологии

Подход	Авторы	Определение понятия	Теоретическое обоснование	Трудности применения
1	2	3	4	5
Эволюционистский	К. Лоренц В.И. Вернадский В.П. Казначеев Е.А. Спиркин	Здоровье как фундаментальная проблема приспособления человечества как вида к окружающей среде	Человечество рассматривается как эволюционирующий вид	–
Социально-ориентированный (кросс-культурный)	П. Бергер Т. Лукман П.Д. Тищенко З. Фрейд К. Хорни Э. Фромм	Здоровье как социокультурная переменная; его характеристики детерминированы специфическими социальными условиями, культурным контекстом, национальным образом жизни	Влияние цивилизации на здоровье; выявление культурного своеобразия, характеризующего явление здоровья в контексте различающихся культурно-исторических условий	Социокультурные факторы оздоровления личности остаются без рассмотрения, в отличие от социально обусловленных механизмов патогенного влияния
Дискурсивный (дис-позитивный)	В.М. Розин М. Фуко	Здоровье как продукт определенного дискурса, имеющего собственную внутреннюю логику конструирования	Культурно-исторический и сравнительный анализ различных дискурсивных моделей и практик	–
Аксиологический	А. Маслоу А. Кемпински	Здоровье как универсальная ценность, соотносящаяся с ценностными ориентациями личности и занимающая положение в их иерархии	Здоровье взаимосвязано с основными (базовыми) ценностями, присущими человеку	–
Акмеологический	А.А. Бодалев	Здоровье как основное и необходимое условие актуализации высших возможностей человеческой природы	«Микроакме здоровья» – конструкт, имеющий первостепенное значение для реализации всех видов высших возможностей	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Комплексный (системный)	М. Мюррей В. Эванс Е.Р. Калитеевская	Здоровье как многомерный феномен, сочетающий в себе гетерогенные, качественно различные компоненты и отражающий фундаментальные аспекты человеческого существования	Комплексное изучение психического здоровья	Анализ данных затруднен, так как целостность рассматривается на принципиально различных теоретических и методологических предпосылках
Нормоцентрический	К. Ясперс Б.С. Братусь	Здоровье как совокупность среднестатистических норм восприятия, мышления, эмоционального реагирования и поведения, в сочетании с нормальными показателями соматического состояния индивида	Отождествление здоровья с нормой	Данный подход выявляет в качестве показателей здоровья только те свойства личности, которые содействуют выполнению социальных функций, но не охватывают весь диапазон психических явлений
Феноменологический	В. Дидьтей Л. Бинсвангер Р. Лэнг	Здоровье как проявление индивидуального неповторимого способа бытия-в-мире	Феноменологическое описание на основе глубинного понимания и эмпатии	Полученные данные практически не допускают научной формализации и верификации
Холистический	Г. Олпорт К. Роджерс К.Г. Юнг Э. Эриксон С. Гроф	Здоровье как обретаемая индивидом целостность, предполагающая личностную зрелость (Г. Олпорт, Э. Эриксон) и синтез фундаментальных противоречий человеческого сущест-	Здоровье как системное качество, характеризующее человеческое бытие в его целостности; целостности предмета должна соответствовать целостность его научного видения	–

альтернативным и включают комплексный (системный), нормоцентрический, феноменологический и холистический (О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов, 2001).

Феноменологический анализ психического здоровья позволил выделить его основные составляющие, критерии и показатели.

К критериям психического здоровья относится, прежде всего, соответствие субъективных образов отражаемым объектам действительности и соответствие характера реакций внешним раздражителям. Несомненно, к критериям психического здоровья можно отнести уровень зрелости эмоционально-волевой и познавательной сфер личности, адекватный возрасту.

Следующими критериями психического здоровья являются адаптивность в микросоциальных отношениях и способность самоуправления поведением, разумного планирования жизненных целей, поддержания активности в их достижении.

Показателями психического здоровья личности, по данным большинства авторов, являются: принятие ответственности за свою жизнь; самопонимание и принятие себя; умение жить в настоящем моменте; осмысленность индивидуального бытия; способность к пониманию и принятию других.

Причина нарушений психического здоровья кроется в неравномерном распределении напряжений во внутренней структуре личности. Наиболее значительным из них является напряжение между тем, что человек собой представляет, и тем, кем ему, по его мнению, следует быть.

К характерным чертам нарушений психического здоровья относятся качественные отклонения от нормального процесса психического развития и нарушения, проявляющиеся в специфических ситуациях.В зарубежной психологии к настоящему времени существует богатейшая теоретико-эмпирическая научная база по исследуемой проблеме. Но, по мнению самих же авторов, результаты и выводы, полученные для одной страны, нельзя равнозначно перенести на другую (А.И. Колобкова, 1999).

Безработица – процесс, тесно связанный с культурно-историческим фоном его протекания, поэтому прямое заимствование опыта зарубежной науки является невалидным для российской действительности. Это еще раз подтверждает актуальность исследования влияния безработицы на психическое здоровье на российской выборке.

Феномен психического здоровья рассматривается нами в соответствии с его трехкомпонентной структурой, предложенной О. Бекером.

«Позитивная триада» психического здоровья включает компоненты позитивной установки:

- на собственную личность – самоуважение, высокая самооценка;
- на восприятие окружающей среды – принятие окружающего мира, способность к любви;
- на будущее – оптимизм (O. Becker, 1991).

Подобная операционализация позволяет подобрать надежный и валидный инструмент для измерения психического здоровья, исследовать выделенные компоненты, а также сравнивать полученные данные с уже имеющимися, что в целом и обусловило использование модели О. Бекера в эмпирической части работы.

1.4.2. Самооценка как индикатор психического здоровья

Психический феномен «самооценка» рассматривается в психологической науке в трех теоретических ракурсах:

- как компонент самосознания;
- как центральное личностное образование;
- как компонент психического здоровья.

В работах отечественных психологов (Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, И.С. Кона, С.Л. Рубинштейна, И.И. Чесноковой) самооценка рассматривается как центральный, объединяющий феномен самопознания, несущий функцию оценки и формирования эмоционально-ценностного

отношения личности к себе. Самооценка нередко трактуется также и в качестве индикатора индивидуального уровня развития самосознания.

В отечественной психологии акцент при изучении самооценки ставится в основном на теоретические аспекты – как, например, в трудах вышеперечисленных ученых. Основными вопросами, обсуждаемыми в этом русле, являются природа и онтогенез самооценки, ее внутреннее строение и позиция в структуре самосознания, виды самооценки, ее функции, механизмы защиты, взаимосвязь с другими психическими конструктами и поведением.

В зарубежной психологии при изучении самооценки широко практикуется и эксперимент.

В сферу научных интересов зарубежных психологических школ входит также эмпирическое исследование взаимосвязи самооценки и факторов внешней среды.

А.В. Захарова выделяет два подхода к изучению самооценки в психологии: во-первых, как центрального личностного образования; а во-вторых, как компонента самосознания. По ее мнению, эти подходы к пониманию сущности самооценки отнюдь не противоречат друг другу, а лишь вскрывают сложность и многозначность ее как психологического феномена, ее взаимодействие с развитием и функционированием различных психических образований (А.В. Захарова, 1989).

Можно обозначить и третий подход – исследование (взаимной или односторонней) самооценки как компонента психического здоровья. К последней категории относятся и работы, посвященные изучению детерминации самооценки факторами внешней среды, к которым относится и критическое событие «безработица» (А.И. Колобкова, 1999).

К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, И.С. Кон, А.В. Петровский, К.К. Платонов относят самооценку к центральным личностным образованиям, что обусловлено следующими особенностями изучаемого психического феномена.

Во-первых, самооценка функционально связана с основными личностными структурами. Например, аффективное переживание оценки присущих личности способностей и черт оказывает влияние на направленность личности, во многом определяет степень ее активности. Механизмы функционирования самооценки непосредственно связаны с индивидуальной системой ценностей и мотивационной сферой личности. Функция самооценки состоит не только в прогнозе собственной деятельности, адаптации или адекватном реагировании на окружающие условия в связи с оценкой собственных возможностей. Самооценка – это также важнейший фактор мобилизации человеком своих способностей и творческой самореализации (А.В. Захарова, 1989).

Во-вторых, самооценка несет на себе регулятивную функцию по отношению к поведению и деятельности (В.В. Столин, 1983). Изучение этой важнейшей функции самооценки становится невозможным вне контекста целостной личности, так как в качестве механизма саморегуляции самооценка принимает участие во всех сферах жизнедеятельности субъекта: поведении и деятельности, познавательных процессах и обучении, межличностном общении и социальных взаимодействиях и т.д. Механизм саморегуляции во многом определяет перспективы собственного развития и отношений с окружающими. По направленности и конечному результату регулятивные функции самооценки могут выступать как собственно оценочные, контрольные, стимулирующие, блокирующие и защитные.

Исследование самооценки как личностного образования является наиболее традиционным для психологии. Так, У. Джемс относил самооценку к эмоциональной сфере личности, определяя самодовольство и самоунижение как чувства одного рода, которые являются первичными видами эмоций, как, например, гнев и боль (Е.А. Залученова, 1995). Он также связывал между собой самоотношение субъекта, мотивационную сферу личности (уровень притязаний) и успех в достижении планируемых результатов (успешность деятельности) (У. Джемс, 1982). В этом же русле велись разработки К. Левина и его последователей, считавших, что форми-

рование уровня притязаний возможно лишь в процессе конкретной деятельности и зависит от успеха или неуспеха. К. Левин занимался также изучением взаимосвязи этих факторов с самооценкой, потребностями и активностью личности и некоторых черт ее характера (В.В. Столин, 1983).

Подход к рассмотрению самооценки как компонента самосознания на первый взгляд является более узким, нежели рассмотренный выше. Тем не менее авторы, ведущие свои научные разработки в данном направлении, в конечном итоге апеллируют к целостной личности.

С.Л. Рубинштейн представил основные направления развития самооценки как компонента самосознания. По его мнению, развитие самосознания проходит через ряд ступеней – от наивного неведения в отношении самого себя ко все более углубленному самопознанию, соединяющемуся затем со все более определенной и иногда резко колеблющейся самооценкой (С.Л. Рубинштейн, 1989). Общую тенденцию развития самооценки автор видит в растущей концентрации внимания к внутренней стороне личности, от отражения более или менее поверхностных черт к целостному характеру, к осознанию своей индивидуальности, что в конечном итоге определяет переход к духовным масштабам самооценки.

Одним из вопросов, решаемых в рамках подхода к самооценке как компоненту самосознания, является собственно определение понятия «самооценка». Несмотря на то что этот термин широко употребляется в психологии, под ним часто понимаются различные психические образования. Так, иногда понятие «самооценка» расширяется до границ концепции «Я» в целом. А.В. Захарова, например, выделяя в структуре самооценки когнитивный, аффективный и (ограниченно) поведенческий компоненты (А.В.Захарова, 1989), таким образом фактически приравнивает ее к самосознанию.

В работах отдельных авторов самооценка неявно отождествляется с когнитивным компонентом концепции «Я» (иногда в сочетании с аффективным) (М.М. Тульчинский, 1996). В некоторых исследованиях, посвященных

проблеме самосознания, напротив, самооценка как самостоятельное явление не рассматривается вообще (В.В. Столин, 1983).

Все же наиболее общепринятой является точка зрения на самооценку как аффективный компонент самосознания личности. В понимании Р. Бернса, самооценка трактуется в качестве традиционно выделяемого эмоционального компонента применительно к «Я»-концепции следующим образом.

Самооценка – это аффективная оценка содержания образа «Я»; причем ее интенсивность может варьироваться в связи с тем, что определенные когнитивные представления о себе моделируют эмоции различной силы и модальности (позитивная или негативная оценка себя). Иначе говоря, при восприятии субъектом когнитивной составляющей концепции «Я» неизбежно возникают оценки и эмоции, интенсивность которых определяется самим когнитивным содержанием (Р. Бернс, 1986). Под когнитивным содержанием в данном случае подразумевается совокупность знаний о себе, характеризующаяся различной степенью оформленности и обобщенности, начиная с элементарных представлений и заканчивая концептуально-понятийными конструкциями (А.В. Захарова, 1989).

К категории психологических исследований, интегрирующих оба описанных подхода – самооценки как личностного образования и как компонента самосознания, можно отнести работы К. Роджерса, описывающего концепцию «Я» в понятиях «Я-реального» (представления о себе в настоящем времени) и «Я-идеального» (то, каким субъект, по его мнению, должен был бы стать, ориентируясь на моральные нормы) (Краткий психологический словарь, 1998). В этом случае формирование самооценки происходит «внутри» самосознания путем взаимодействия его компонентов: когнитивного и аффективного.

По мнению В.В. Столина, воззрения К. Рождерса перекликаются с позицией У. Джемса и К. Левина, так как различие и соотношение «Я-реального» и «Я-идеального», которому много внимания уделил К. Роджерс, отражают то же явление кристаллизации в сознании и самосознании стан-

дартов и ориентиров, в отношении к которым индивид определяет себя. Если понятия уровня ожиданий и уровня притязаний отражают целевую структуру индивида, за которой стоят определенные представления о себе, то понятия идеального и реального «Я» относятся уже к самим этим представлениям, выраженным в личностных чертах (В.В. Столин, 1983).

Общим для многих авторов является понимание самооценки как аффективного уровня на шкале «самоотчуждение и чувство собственной неполноценности – самоуважение, самоэффективность». Так, С. Куперсмит, понимая под самооценкой постепенно формирующееся и приобретающее привычный характер отношение индивидуума к себе, отмечает, что самооценка выступает в качестве ощущения принятия или непринятия себя. Сила и выраженность этого ощущения зависят от того, насколько человек уверен в ценности себя и собственной значимости (S. Coopersmith, 1967).

И.С. Кон дает сходное определение самооценке и полагает, что последняя является общим знаменателем, итоговым измерением «Я», выражающим меру принятия или непринятия индивидом самого себя, положительное или отрицательное отношение к себе (И.С. Кон, 1978).

По мнению М. Розенберга, глобальная самооценка (англ. – self-esteem, нем. – Selbstwertgefuehl и др.) отражает степень развития у индивидуума чувства самоуважения (англ. – self-regard, нем. – Selbstachtung и др.). Таким образом, высокая самооценка предполагает общее позитивное отношение субъекта к своему «Я» и ощущение им собственной ценности; пониженная – неприятие себя, самоотрицание, негативное отношение к своей личности (M. Rosenberg, 1965, 1979, 1981; M. Rosenberg, L.I. Pearlin, 1978; M. Rosenberg, H.B. Kaplan, 1982; M. Rosenberg et al, 1995; T.J. Owens, 1993).

Рассмотрение самооценки как компонента психического здоровья является приоритетным для западных исследований, специфической чертой которых является непременное обращение к эксперименту, как, например, в работах Р.Ф. Баумайстера, У. Джемса, Х.В. Марша, М. Розенберга, Дж. Хаттье, Р.Дж. Щавельсона и др. В теоретическом плане

общепринятой является трактовка позитивной самооценки как важнейшей составной части и условия психического здоровья.

Согласно интернациональной классификации психических нарушений, уже сама по себе потеря самоуверенности и самооценки относится к классическим симптомам легких депрессивных проявлений (H. Dilling, W. Mombour, M.H. Schmidt, 1994). Бесспорно и то, что позитивная самооценка в качестве поведенческого и эмоционального регулятора является по своей функции важнейшей составной частью психического здоровья (M. Jahoda, 1958, 1983; O. Becker, 1986).

Обобщенная «теория приобретенной беспомощности» – Theorie der gelernten Hilflosigkeit (M.E.P. Seligman, 1979), постулирующая тенденцию к самообесцениванию в том случае, когда индивидуум ощущает себя бессильным и ищет причины неконтролируемости событий в собственном дефиците способностей и готовности к действию, тоже относит самооценку к психическому здоровью.

В качестве компонента психического здоровья наиболее глубоко и всесторонне самооценка была изучена в эмпирических исследованиях, наиболее актуальных с практической точки зрения. В основном это относится к ряду школ, занимающихся изучением негативного воздействия безработицы на психическое здоровье безработных граждан.

Анализ литературы позволяет выделить наиболее общепринятые теоретические и методологические подходы к изучению самооценки: как центрального личностного образования, как компонента самосознания, как составляющую психического здоровья. В рамках последнего обособляются исследования детерминации (взаимной или односторонней) самооценки и факторов внешней среды.

Традиционное изучение самооценки как центрального личностного образования дает основание функционально связывать ее с основными личностными структурами, такими как черты характера, способности, направленность и активность личности, система ценностей, мотивы и установки, уровень притязаний, а также выявляет регулятивную функцию са-

мооценки по отношению к поведению и деятельности. Указанный подход реализован в основном в работах отечественных психологов (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, И.С. Кон, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, И.И. Чеснокова).

Изучение самооценки как компонента самосознания в работах Р. Бернса, К. Роджерса, С.Л. Рубинштейна, В.В. Столина и др. показывает, что общепринятой является ее трактовка как аффективной составляющей, отражающей степень развития у индивидуума чувства общего самоуважения и модальность эмоционального отношения к себе. С этой точки зрения высокая самооценка соотносится с общим позитивным отношением субъекта к своему «Я» и ощущением им собственной ценности, пониженная – с неприятием себя, самоотрицанием, негативным отношением к своей личности.

Изучение доступных нашему вниманию отечественных и зарубежных работ позволило определить социальное явление «безработица» как одно из наиболее актуальных и сложных проблем со множеством социальных, экономических и психологических детерминант и эффектов.

Анализ подходов и попыток исследований безработицы в целом показал:

- разноречивость теоретико-методологических оснований;
- разночтения в понимании психологических, сопряженных с безработицей, особенностей человека;
- высокую эмпирическую несогласованность, связанную с социально-демографическими и культурологическими характеристиками безработных граждан, принимавших участие в экспериментах.

В отношении отечественных работ по изучению безработицы очевидны и другие проблемы:

- недостаток работ психологического плана, либо попытка их подмены социологическими и экономическими исследованиями;
- скудость применяемого методического инструментария;

- оторванность исследовательской парадигмы от зарубежной теоретической и методологической школы, что отрицает возможность учета накопленного эмпирического опыта, сопоставления получаемых результатов а также адаптации и применения реализуемых в настоящее время за рубежом реабилитационных технологий безработных граждан.

Систематизация опыта позволила определить направления собственных эмпирических исследований:

- сравнительное культурологическое исследование личностных особенностей и психического здоровья работающих и безработных граждан;
- выявление других сопряженных с безработицей эффектов на российской выборке;
- изучение социальной установки у работающих граждан, сформированной по отношению к безработице;
- оценка и эмпирическая проверка эффективности возможных психолого-педагогических реабилитационных технологий на примере различных форм переобучения безработных граждан.

Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ, СОПРЯЖЕННЫХ С БЕЗРАБОТИЦЕЙ

Как уже указывалось выше, эмпирические данные, полученные на неодинаковых выборках, крайне противоречивы. Из-за высокой специфичности и неоднозначности эффектов, накладываемых безработицей на личность, влияния множества социальных и психологических факторов, действия защитных механизмов разработка теории «безработицы» дедуктивным путем (от общего к частному) становится невозможной. Следовательно, для создания целостной картины этой системы необходим скрупулезный «мозаичный» эмпирический анализ частных детерминант и эффектов этого социального явления и их последующее качественное сопоставление.

2.1. Особенности личности и психическое здоровье безработных граждан: результаты кросс-культурного германо-российского сравнительного анализа

Одна из многих возможностей индуктивной разработки общетеоретического подхода к исследованию социального явления «безработица» – это создание различных типологий безработных граждан. По этому пути пошли многие исследователи. В качестве критериальной основы они взяли приемы и эффективность трудоустройства (стратегии преодоления кризисных ситуаций), социально-демографические признаки (пол, возраст, уровень образования и т.д.), индивидуально-типологические характеристики психологического свойства (темперамент, уровень интеллектуального развития, наличие акцентуаций). Попытки разработать подобные классификации, даже в случае их неудачи (когда авторы не находят значимых различий в выделенных группах), оказываются очень плодотворными, так как позволяют оценить амплитуду, вариативность и условия проявления тех

или иных эффектов безработицы. Мы попытались исследовать данное социальное явление на основе кросс-культурного сравнения психологических особенностей безработных граждан России и Германии.

2.1.1. Сравнительное исследование диспозициональных особенностей личности успешно работающих и безработных граждан России

Как известно, структура личности – это гипотетическое образование, введенное психологами в качестве некой упрощенной модели реально действующей системной психической (даже биопсихической) организации человека. Поэтому и результаты любых исследований изменения структуры личности под воздействием тех или иных факторов, в частности под воздействием негативного влияния социального явления «безработица», будут зависеть от теретико-методологических позиций автора.

Одним из наиболее часто эксплуатируемых теоретико-методологических подходов к изучению личностных деформаций, возникающих в связи с критическим событием «безработица», является диспозициональное направление в психологии. В рамках методологии последнего цель исследования была определена как выявление индивидуальных (чертографических) и типологических особенностей личности безработных граждан. Отметим, что определение указанных особенностей осуществлялось путем сравнения личностных качеств успешно работающих граждан и субъектов, находящихся на двух различных фазах прохождения ими кризисного события «безработица»: ожидания потери работы («потенциальные» безработные) и собственно отсутствия рабочего места («реальные» безработные). Таким образом, предметом исследования являлись личностные диспозиции, наиболее тесно связанные со степенью включенности в профессиональную деятельность.

При формировании выборки мы исходили не столько из требования обеспечения репрезентативности, сколько из соответствия специфическим

задачам исследования: отбор испытуемых осуществлялся по критерию удовлетворенности своей работой, длительности стажа, а также отсутствующему, потенциальному или актуальному влиянию безработицы. В группу «успешно работающих» вошли люди различного возраста и различных профессий. В исследовании также приняли участие рабочие и служащие государственных екатеринбургских предприятий, объединенные в группу «потенциальных» безработных, так как вследствие сокращения штатов все они, несмотря на фактическую занятость, через несколько недель должны были быть уволены. Испытуемые, образовавшие третью группу – «реальные» безработные, фактически являвшиеся таковыми уже более 6 месяцев, были отобраны нами случайным образом из числа официально зарегистрированных безработных в службах занятости Екатеринбурга.

В исследовании базовых личностных черт использовались известные стандартизированные методики: «Комбинированный личностный опросник» – КЛО (Е.Г. Леевик) и «Айзенка личностный опросник» – EPI (А.Г. Шмелев, В.И. Похилько).

Экспериментальный дизайн построен по плану обычного корреляционного исследования.

Результаты исследования показали, что значимые различия в уровнях личностных диспозиций наблюдаются только в эмоциональной сфере и в отдельных интеллектуальных и мотивационных показателях. «Потенциальные» безработные находятся в более дискомфортных психо-эмоциональных условиях, чем две другие группы: условия неопределенности их положения, безусловно, являются стрессовыми, что порождает повышенную тревожность и депрессивность. «Реальные» безработные, напротив, не показывают высокого уровня тревожности: возможно, адаптация к ситуации потери работы обусловлена обнаруженной в этой группе низкой мотивацией трудоустройства. Отличительной особенностью успешно работающих граждан является несколько более высокий уровень фактора В – высокий-низкий логический интеллект.

Значительно большие различия между исследованными группами были обнаружены в структуре (системе внутренних корреляций) личностных диспозиций. Наиболее выраженным в группе «ищущих» безработных становятся взаимосвязи между такими личностными диспозициями, как A – замкнутость-открытость в общении и Q2 – конформность-неконформность, что интерпретируется нами как экстравертированность в сочетании с нежеланием приспосабливаться к изменениям условий среды, и между факторами M – практичный-мечтательный стиль мышления, Q1 – консерватизм-стремление к новому и P – пластичность-ригидность, т.е. желание изменить свой социальный статус, не меняя при этом ничего в себе. Вместе с тем наличие корреляционных связей в системе отношений, особенно с показателем OP – отношение к работе, остается наиболее представленным; именно в этой сфере взаимосвязаны указанные свойства (A – замкнутость-открытость в общении, Q2 – консерватизм-стремление к новому) и возраст.

Достоверные изменения регистрируются в структуре личности от успешно работающих через «потенциальных» безработных к «реальным» и выражаются в уровнях и характере взаимосвязей во всех сферах личности: в интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных диспозициях, а также в системе отношений. Эти данные можно интерпретировать двояким образом, что само по себе является инициирующим фактором для проведения нового исследования.

Принимая за основу каузальную гипотезу, мы можем сделать вывод о глубинном воздействии безработицы на личность во всех ее проявлениях. Например, деформацию эмоциональных характеристик личности можно связать со стрессогенностью кризисного события, а изменения коммуникативных свойств обусловить сменой социальной роли и круга общения в ситуации потери работы. Но если в отношении этих психологических свойств такой вывод кажется правомерным, то в отношении других сфер личности все не столь однозначно.

Так, причиной выявленных особенностей мотивационной сферы безработных граждан, а именно отсутствия мотивации к поиску работы, может быть как вырабатывающаяся в течение 6 месяцев стратегия самозащиты самосознания в виде позитивного отношения к ситуации «оплачиваемого отпуска», так и действие селективных механизмов на рынке занятости: безработные с высокой мотивацией к поиску работы уже успешно трудоустроились. Различия в интеллектуальной сфере, на наш взгляд, наиболее обоснованно объяснять с точки зрения селективной гипотезы, т. е. интерпретировать более высокий уровень по фактору В (низкий-высокий логический интеллект) в группе «успешно работающих» как одну из причин соответствующего отношения к ним работодателей. В противном случае, если не принимать во внимание возможность получения артефактных результатов, такая высокая лабильность интеллектуального уровня в зависимости от включенности в профессиональную деятельность может быть обусловлена только высокой стрессогенностью исследуемого кризисного события.

Итак, данное исследование свидетельствует о наибольшей психической нагрузке в момент, предшествующий потере работы, и действии некоторых психологических адаптационных механизмов на этапе безработицы. В частности, регистрируется некоторая нормализация психического здоровья безработных граждан в эмоциональной сфере и повышение уверенности в себе. Однако другое исследование, базирующееся на иных методологических основаниях и посвященное детальному изучению эмоционально-оценочного аспекта личности безработных граждан Германии и России, в том числе в течение длительного срока отсутствия работы, дало значительно отличающийся результат.

2.1.2. Кросс-культурное исследование психического здоровья работающих и безработных граждан в Германии и России

Как уже упоминалось выше (см. п. 1.4), глобальная самооценка, ее уровень и структура выступают одновременно индикатором и одной из базовых составляющих психического здоровья личности. Поэтому данный показатель был избран нами в качестве предмета исследования, имеющего цель изучить предполагаемую сопряженность психического здоровья с ситуацией безработицы. Помимо установления этой базовой взаимосвязи, важными исследовательскими вопросами являлись определение иных, непсихологических детерминант глобальной самооценки, а также поиск кросс-культурных различий в негативном влиянии на нее безработицы.

Теоретико-методологической основой исследования явились каузальная гипотеза о генезисе нарушения психического здоровья безработных граждан (А. Вакер, Т. Кизельбах и др.), модель психолатентных функций трудовой деятельности М. Ягоды и проистекающих отсюда эффектах безработицы, а также теоретическое истолкование позитивной самооценки как ведущего компонента психического здоровья (О. Бекер, М. Розенберг).

В качестве диагностирующего инструмента выступила «Общая шкала самооценки» – ОШсо – личностный опросник, разработанный А. Вакером и А.И. Колобковой специально для данного исследования (A. Wacker, A. Kolobkowa, 1997, 1998) и основанный на модификации методик, широко применяющихся в зарубежных исследованиях в области самосознания и его различных детерминант: «Rosenberg-Self-Esteem-Scale» – RSES, в авторском переводе – «Розенберга шкала самооценки» (M. Rosenberg, 1982), «Generalisierte (Optimistische) Kompetenzerwartung», в авторском переводе – «Обобщенные (оптимистические) ожидания относительно собственной компетенции» (R. Schwarzer, 1994) и шкалы mastery, self-denigration и self-esteem, в авторском переводе – мастерства, самокритичности и самооценки, Л. Пелина и С. Шулера (L.I. Pearlin, S. Schooler , 1978).

Комбинированная общая шкала самооценки ОШсо и ее отдельные субшкалы позволяют измерять:

- глобальную самооценку (шкала ОШсо, в которой конструкт «самооценка» понимается как установка личности относительно себя самого, совокупность мыслей и чувств личности, рассматривающей себя в качестве объекта (M. Rosenberg, 1979), как целостное аффективное восприятие человеком себя самого;
- позитивную самооценку (шкала СО+, измеряющая уровень самоприятия);
- негативную самооценку (шкала СО-, отражающая тенденцию к самообесцениванию, а также чувство собственной неполноценности);
- оптимистические ожидания по поводу своей компетенции (шкала ООК, отражающая веру в собственную действенность и самоэффективность, успех в любой начатой деятельности);
- интернальный либо экстернальный локус контроля (шкала ИЭК, диагностирующая локус контроля и доверие к собственным усилиям);
- самообесценивание-экстернальность (фактор F I);
- самоуважение-самоэффективность (фактор F II).

Факторы F II и F I выделяются с помощью главнокомпонентного анализа данных и являются производными от показателей самооценки исследуемой выборки.

Итак, данная методика содержит несколько субшкал, отражающих теоретические подходы и эмпирические результаты относительно структуры глобальной самооценки следующих авторов: А. Бандуры, А. Вакера, П. Варра, П. Джексона, Л. Пелина, М. Розенберга, Дж. Роттера, С. Шулера, и А.И. Колобковой (табл. 2).

Общая выборка была сбалансирована по полу, возрасту и стране проживания участников исследования (Россия – города Екатеринбург и Первоуральск; Германия – города Ганновер и Биллифельд). Контрольная группа включала работающих, а экспериментальная – безработных граждан. При формировании выборки был сделан акцент на привлечение к оп-

росу «проигравших» на рынке труда, т.е. менее квалифицированных и долговременных безработных.

Таблица 2

Характеристики методики ОШсо

№ п/п	Обозначение шкал	Предмет диагностики	Авторы теоретического подхода	Авторы эмпирического обоснования
1	ОШсо	Глобальная самооценка, обобщенное самоуважение	М. Розенберг	М.Розенберг Х.Б. Каплан
2	СО+	Позитивная самооценка, самоакцентирование, самопринятие	М. Розенберг	М. Розенберг Л. Пелин С. Шулер
3	СО-	Негативная самооценка, самообесценивание, чувство собственной неполноценности	М. Розенберг	М. Розенберг Л. Пелин С. Шулер
4	ООК	Самоэффективность, самоувереность	А. Бандура	Р. Шварцер
5	ИЭК	Локус контроля (экстернальность — интернальность)	Дж. Роттер	Л. Перлин С. Шулер
6	Фактор F I	Фактор самообесценивания-экстернальности	М. Розенберг Дж. Роттер	А. Вакер А.И. Колобкова
7	Фактор F II	Фактор самоуважения–самоэффективности	М. Розенберг А. Бандура	А. Вакер А.И. Колобкова

Для наиболее глубокого и адекватного изучения возможных личностных изменений в самооценке, вызываемых с течением времени безработицей, обязательным условием является представленность в исследуемой группе лиц, исключенных из трудового стажа на срок более года, так называемых долговременных безработных.

Настоящее исследование полностью удовлетворяет данному требованию: в область, перекрываемую одним стандартным отклонением, долговременные безработные попадают в обеих подгруппах; при этом в германской подвыборке долговременных безработных средняя продолжи-

тельность безработицы составила более 3 лет, что является неординарным событием даже для западных исследований.

Экспериментальный дизайн представляет собой корреляционное исследование с балансировкой групп по полу, стране проживания, уровню образования и уровню финансового обеспечения.

Полученные результаты подтверждают гипотетическое положение о том, что безработица – явление, которое связано с негативными изменениями самооценки вне зависимости от социокультурной принадлежности. Однако имеются и специфические отличия между российскими и германскими безработными.

2.1.3. Сопряженность безработицы с психическим здоровьем у безработных Германии

Достоверные различия между работающими и безработными людьми были выявлены по всем измеряемым параметрам концепции «Я», соответствующим различным видам самооценки: глобальной, позитивной, негативной и др. (табл. 3).

Таблица 3

Относительные средние значения самооценки относительно трудового статуса

Группы испытуемых	Показатели самооценки						
	ОШсо	СО+	СО -	ООК	ИЭК	FI	FII
Работающие	+0,71	+0,45	+0,67	+0,59	+0,58	+0,72	+0,43
Безработные	-0,73	-0,46	-0,70	-0,61	-0,58	-0,74	-0,45
Значения коэффициента Стьюдента на уровне $p<0,001$	10,08	4,98	9,22	7,37	6,93	10,47	4,84

Оценка эмпирических данных позволяет констатировать следующий факт: исследуемые показатели по общей шкале самооценки и по всем субшкалам значительно и достоверно различаются в группах работающих и

безработных граждан. В то время как относительные оценки в группе безработных оказываются неизменно ниже общего среднего значения, приравненного к нулю (см. табл. 3), соответствующие значения в группе работающих постоянно выше. В семи случаях из девяти разность между средними значениями по контрольной и экспериментальной группам в ожидаемом направлении превышает значение рассчитанного стандартного отклонения.

В абсолютных значениях разность между средними уровнями глобальной самооценки (ОШсо) в сравниваемых группах составляет примерно 14 баллов (для группы работающих медиана АМ=49,6, значение стандартного отклонения σ=6,99; для группы безработных соответственно АМ=35,9, σ=6,33). Разность между соответствующими показателями для групп кратковременных и долговременных безработных составляет только 7 баллов (для кратковременных безработных АМ=39,9, σ=5; для долговременных АМ=33, σ=5,64), т.е. явно меньшую величину в сравнении с работающими. Высокая сенситивность общей шкалы самооценки к различиям в трудовом статусе выражается и в том, что выше 70-процентного уровня по показателям ОШсо (что составляет по абсолютному значению более чем 50 баллов) представлены только работающие граждане, а безработные вообще отсутствуют (рис. 1).

Особенно ярко деформация самооценки видна по уровню выраженности показателя ее негативного полюса и экстернальности (F I). Мы считаем это проявлением одной из форм защитных механизмов самосознания, при которой неизменно высокий – вне зависимости от объективных обстоятельств ситуации «неуспеха» – позитивный полюс самооценки (F II) служит своеобразным «якорем», противовесом для резко повышающегося уровня недовольства собой, разочарования и самокритики.

Балансировка по длительности безработицы позволила сделать следующие выводы. Воздействие безработицы с течением времени – это в первую очередь предмет описания фазовых моделей (см. п. 1.3), достоверность которых часто подвергается сомнению. Спорным оставался вопрос: появляется ли в случае продолжающейся безработицы психологическая адаптация или обусловленный безработицей конфликт все же достигает

пика (A. Buessing, 1987)? Результаты исследования, проведенного на германской выборке, подтвердили правильность второго предположения. Даже кратковременная безработица (до одного года) вызывает негативные изменения в самооценке; но самооценка безработных граждан, на длительные годы исключенных из трудовой деятельности, еще более негативна, и ее уровень обнаруживает обратную зависимость с длительностью безработицы (табл. 4).

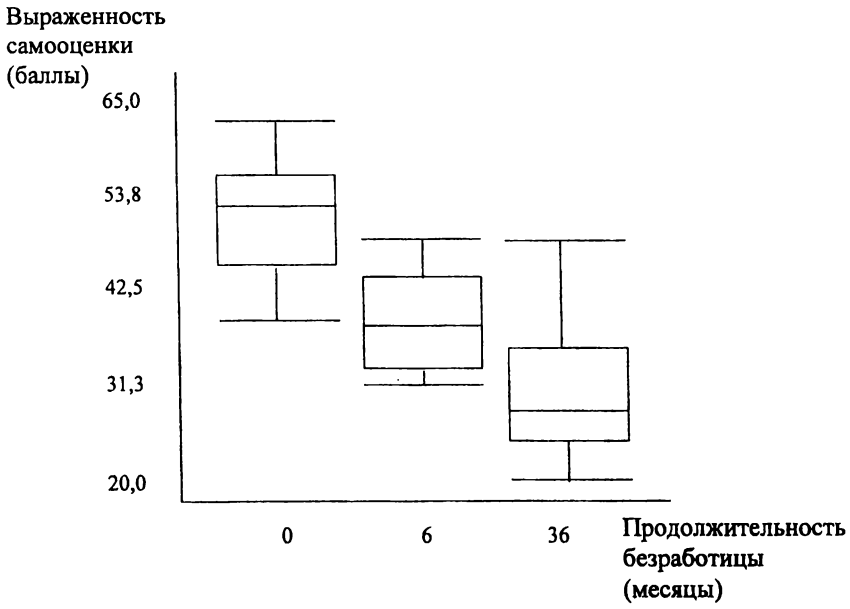

Рис. 1. Взаимосвязь самооценки, трудового статуса и длительности безработицы на германской выборке:

крайние горизонтальные линии – разброс значений; центральная горизонтальная линия – медиана; прямоугольник – область целого стандартного отклонения

Таблица 4

Интеркорреляции и разности средних значений измерений самооценки относительно продолжительности безработицы

Значение показателей	Показатели самооценки						
	ОШсо	СО +	СО –	ООК	ИЭК	FI	FII
Уровень корреляции шкалы ОШсо с продолжительностью безработицы	-0,40**	-0,35*	-0,33*	-0,08	-0,30*	-0,42**	-0,17
Средние значения по субшкалам для группы кратковременных безработных	-0,31	-0,27	-0,26	-0,38	-0,10	-0,22	-0,39
Средние значения по субшкалам для группы долговременных безработных	-1,03	-0,60	-1,02	-0,78	-0,92	-1,11	-0,50
Значения коэффициента Стьюдента	4,35***	1,46	3,66***	1,63	3,91***	5,49***	0,57

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Взаимозависимость длительности безработицы и уровня самооценки также отчетливо видна при сравнении трех групп, разделенных по принципу трудового статуса: работающих, кратковременных и долговременных безработных граждан (см. рис. 1). Средние значения по группам различаются с высокой достоверностью (коэффициент Фишера $F=64,78$, $p < 0,001$; коэффициенты Scheff-теста сигнификативны для всех сравниваемых значений) несмотря на то, что различия между обеими группами безработных граждан значительно меньше, чем между группами работающих и кратковременных безработных (см. рис. 1).

Результаты нашего исследования на германской выборке также подтверждают наличие иных детерминант безработицы и глобальной самооценки. Однако дискриминантный и корреляционный анализы показывают отсутствие значимых связей (т.е. зависимостей и эффектов) между само-

оценкой, безработицей и социально-демографическими данными. Доминирующую роль в прогнозировании уровня глобальной самооценки (на фоне таких переменных, как пол, возраст, уровень образования, финансовое положение и этническая принадлежность) играет все же статус безработного. Финансовое положение выполняет функцию модератора, усиливающего или ослабляющего влияние безработицы на психическое здоровье безработных: чем тяжелее переживают безработные свое финансовое положение, тем ниже их глобальная самооценка.

Процедура проверки гипотезы о наличии и роли социально-демографических факторов заключалась в следующем: в ходе статистической обработки эмпирических данных выявлялась та из учитываемых в данном исследовании переменных, которая лучше всего прогнозирует принадлежность индивидуумов к экспериментальной группе. Такой подход позволил, во-первых, определить возможность одновременного учета воздействия на самооценку не только социального явления «безработица», но и иных факторов (социально-демографических признаков и финансового положения); во-вторых, соотнести степень воздействия указанных детерминант на исследуемый психический феномен. Статистически решение данной задачи осуществлялось с помощью дискриминантного анализа по двум различным моделям, учитывающим различные переменные.

Первая модель включала, с одной стороны, известные по многочисленным исследованиям рынка труда факторы риска: профессиональную квалификацию, пол, возраст, положение на рынке труда (эмигранты в сравнении с коренными жителями Германии), субъективную оценку материального благополучия, с другой – измерение глобальной самооценки (ОШсо). Во второй модели вместо переменной «глобальная самооценка» вводились сепаратные значения по четырем субшкалам: позитивная самооценка (СО+), негативная самооценка (СО-), общие ожидания по поводу своей компетенции (ООК) и локус контроля (ИЭК). В обоих случаях отбрасывались те переменные, которые определялись в ходе дискриминант-

ного анализа как наименее значимые. В качестве сигнификантивного принимался 5-процентный уровень значимости.

Вопреки общему мнению, согласно которому определяющая роль на бирже труда отводится таким факторам, как пол, возраст и уровень профессиональной квалификации ищущих работу, в исследовании на данной выборке не выявлено определяющего влияния социодемографических признаков на трудовой статус.

Второй этап проверки данной гипотезы касался собственно детерминации самооценки перечисленными социодемографическими признаками. Обсуждаемая в отношении гендера в психологической литературе большая устойчивость женщин к ситуации безработицы не нашла подтверждения. По результатам Т-теста не было выявлено никаких достоверных различий в самооценке безработных мужчин и женщин, за исключением показателей по шкалам собственной компетенции (ООК) и самоуважения-самоэффективности (F II). При этом значимые различия даже были найдены в противоположном направлении (табл. 5).

Таблица 5

Средние значения самооценки относительно половой принадлежности безработных респондентов

Группы испытуемых	Показатели самооценки						
	ОШсо	СО +	СО -	ООК	ИЭК	FI	FII
Безработные мужчины	-0,67	-0,41	-0,69	-0,38	-0,69	-0,76	-0,25
Безработные женщины	-0,81	-0,53	-0,73	-0,94	-0,41	-0,72	-0,73
Значения коэффициента Стьюдента	0,73	0,49	0,17	2,31*	1,17	0,19	2,45*

Примечание. *$p<0,05$.

Кроме того, не выявилось дифференцированного эффекта национальной принадлежности (точнее, страны происхождения). Безработица так же влияет на самооценку эмигрантов, как и коренного населения.

Однако обнаружилась взаимосвязь между субъективной оценкой безработными гражданами своего финансового положения и их самооценкой. Вариационный анализ данных по всей выборке выявил достоверное различие в ожидаемом направлении. Благополучная оценка финансового положения индивидуума обнаруживается параллельно с относительно более высоким уровнем его глобальной самооценки (коэффициент Фишера $F=25,93$, $p<0,001$).

Имеются некоторые ограничения, не позволяющие однозначно интерпретировать полученные результаты. Во-первых, трудовой и финансовый статусы в исследуемой выборке так высоко коррелируют между собой, что любая проверка взаимосвязи между финансовым положением и аффективным компонентом самосознания «перекроет» уже существующую представленную зависимость самооценки от трудового статуса. Лишь 4 % работающих граждан испытывают большие финансовые сложности, в то время как аналогичное соотношение для безработных находится на уровне 65 %. Относительный риск того, что участник экспериментальной группы испытывает «серьезные финансовые затруднения» (при очень высокой доле долговременных безработных) более чем в 15 раз вероятнее, чем для членов контрольной группы. Во-вторых, оценивание своего финансового положения производилось только по одному пункту, что могло отразиться на достоверности получаемых данных. Поэтому с учетом указанных ограничений предположение об общей взаимосвязи между тяжелым материальным положением и пониженной самооценкой не может быть подтверждено с достаточной степенью достоверности, что обусловлено особенностями выборки.

Итак, исследование на германской выборке показало, что существует устойчивая взаимосвязь между продолжительностью безработицы и понижением самооценки, т.е. нарушением психического здоровья, трудовой статус не зависит от социально-демографических признаков.

2.1.4. Сопряженность безработицы с психическим здоровьем у безработных России

Базовая взаимосвязь между безработицей и глобальной самооценкой отчетливо проявляется и на российской выборке. В абсолютных значениях разность между средними уровнями по шкале глобальной самооценки в группах безработных и работающих граждан составляет около 8 баллов (для группы безработных граждан медиана AM=46, стандартное отклонение σ = 7,04; для группы работающих AM= 40,2, σ= 6, 31) (рис. 2).

Но на фоне аналогичных изменений в глобальной самооценке немецких и российских безработных граждан имеются специфические различия в ее отдельных уровнях. Так, на германской выборке наибольшие изменения несет негативный полюс самооценки в сочетании с экстернальностью локуса контроля (фактор F I); на российской выборке ситуация диаметрально противоположная. Наибольшие изменения в группе безработных граждан России даже в большей степени, чем глобальная самооценка, показывает самопринятие-самоэффективность (фактор FII), что подтверждается значением коэффициента Стьюдента t=9,28, p <0,001. Напротив, роль «буфера», «компенсатора» выполняет негативное самоотношение, оставаясь на том же уровне, что и у работающих граждан.

На выборке российских безработных граждан были исследованы и другие компоненты личности, традиционно связываемые с влиянием безработицы. Помимо глобальной самооценки, предметом исследования являлись мотивация достижения, локус контроль и уровень притязаний.

Целью являлся поиск других компонентов личности, которые, на наш взгляд, также. тесно сопряжены с ситуацией «безработицы». Организационным принципом исследования было сравнение групп работающих и безработных граждан по выделенным показателям.

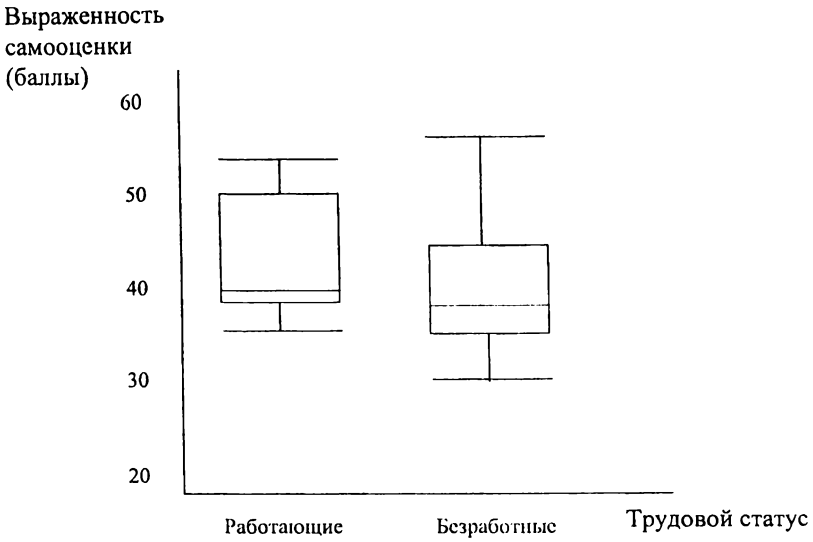

Рис.2. Взаимосвязь самооценки и трудового статуса на российской выборке:
крайние горизонтальные линии – разброс значений; центральная горизонтальная линия – медиана; прямоугольник – область целого стандартного отклонения

В качестве методик диагностики применялись уже упоминаемая методика ОШсо, «Мехрабиана опросник мотивации достижения успеха и избегания неудач», методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) и «Моторная проба Шварцландера».

Оценка эмпирических данных позволяет констатировать следующий факт. В то время как исследуемые показатели самооценки, уровня притязаний и мотивации достижения в группе безработных оказываются несколько ниже соответствующих общих средних значений по каждому показателю, те же величины в контрольной группе – постоянно выше. Таким образом, прослеживается тенденция понижения уровня всех измеряемых характеристик у безработных граждан. Достоверные различия по методу Фишера между контрольной и экспериментальной группами были уста-

новлены в уровнях глобальной самооценки, притязаний и мотивации достижения (табл. 6).

Таблица 6

Средние значения самооценки относительно трудового статуса

Группы испытуемых	Характеристики безработных граждан			
	Мотивация достижения	Уровень субъективного контроля	Уровень притязаний	Глобальная самооценка (ОШсо)
Контрольная группа (работающие)	134,59	28,00	1,31	46,0
Экспериментальная группа (безработные)	129,67	27,42	1,15	40,2
Значения коэффициента Фишера на уровне значимости $p<0,05$	0,929	1,179	-	0,805

Итак, исследование, проведенное на российской выборке, подтверждает установленное на немецкой выборке снижение глобальной самооценки безработных граждан, что позволяет сделать вывод о взаимосвязи между нарушением психического здоровья и потерей работы как базовой закономерности, независимо от культурных различий и социально-демографических признаков, а также отражает снижение уровня притязаний и мотивации достижения.

2.2. Изучение социальной установки по отношению к ситуации безработицы

Предметом исследования стали модальность и семантическая насыщенность социальной установки по отношению к ситуации безработицы; цель – изучение установки у работающих граждан.

Экспериментальный дизайн представлял собой многоступенчатый процесс проектирования модели репертуарной решетки, ранжирования ее

элементов, выявления индивидуальных конструктов, факторизации полученных показателей.

В той или иной мере отношение к социальному явлению «безработица» сформировано у каждого человека. Но уровень его осознания, насыщенности, сопряженности себя с данным событием, его включенности в собственную жизнь у людей различен. В настоящее время в литературе описано несколько видов отношений людей к безработице: от крайне негативной позиции до толерантного принятия. Поэтому, на наш взгляд, было интересным исследование установки по отношению к данному событию у работающих граждан. Студенты дневного обучения, по данным служб занятости, официально приравниваются к группе занятого населения, студенты заочного обучения относятся к работающим. Таким образом, выборка формировалась из студентов заочного и дневного отделений Российского государственного профессионально-педагогического университета.

На первом этапе выявлялись наиболее личностно значимые критические события в жизни участников исследования (в частности, сравнимых или сопоставимых с безработицей). Задача заключалась в поиске элементов репертуарной решетки, для чего использовался метод неоконченных предложений и их последующий контент-анализ.

Участники обследования выделили следующие наиболее значимые критические события: экзамены, рождение ребенка, поиск работы, смерть близкого человека, стихийное бедствие, пенсия, безработица, поступление в вуз, тяжелая болезнь, соревнование.

На втором этапе производилась оценка элементов способом ранжирования по их важности (когнитивный аспект), актуальности (временной аспект) и приемлемости (эмоциональный аспект) (табл. 7).

Для студентов заочного отделения оцениваемые элементы по убыванию уровня значимости образовали такую шкалу: рождение ребенка – 1, экзамены – 2, поиск работы – 3, тяжелая болезнь – 4, поступление в вуз – 5 и безработица – 6. Для студентов дневного отделения: экзамены – 1, поиск

работы – 2, рождение ребенка – 3, соревнование – 4, тяжелая болезнь – 5, поступление в вуз – 6 и безработица – 7.

Таблица 7

Результаты ранжирования элементов по важности, актуальности и приемлемости для респондентов

Критическое событие	Ранг по критерию оценивания							
	Студенты заочной формы обучения			Среднее	Студенты дневной формы обучения			Среднее
	Важность	Актуальность	Приемлемость		Важность	Актуальность	Приемлемость	
Экзамены	3	1	3	2,33	1	1	2	1,33
Рождение ребенка	1	2	1	1,33	4	6	1	3,67
Поиск работы	5	2	2	3	2	2	3	2,33
Смерть близкого человека	8	10	10	9,33	8	10	10	9,33
Стихийное бедствие	4	8	9	7	9	8	8	8,33
Пенсия	10	9	7	9,33	10	9	6	8,33
Безработица	6	6	6	6	7	5	7	6,33
Поступление в вуз	7	5	4	5,33	6	7	5	6
Тяжелая болезнь	2	2	8	4	2	4	9	5
Соревнование	9	7	5	7	5	3	4	4

Примечание. Наиболее важная, актуальная, приемлемая ситуация – 1; наименее важная, актуальная, приемлемая ситуация – 10.

Таким образом, на первых позициях по важности, актуальности и приемлемости находятся такие события, как экзамены, рождение ребенка и поиск работы; безработица находится на 6-й и 7-й ранговых позициях соответственно для студентов заочного и дневного обучения. Последние ран-

говые позиции в обеих группах занимают стихийное бедствие, пенсия и смерть близкого человека.

Данную ситуацию можно объяснить следующим образом: выбор экзамена как наиболее актуального события связан с периодом проведения исследования (опрос проводился во время зачетной недели); выбор рождения ребенка объясняется превалированием в среде опрашиваемых представительниц женского пола (67 %).

Наиболее интересным, на наш взгляд, является ранговая позиция элемента «поиск работы», который работающие студенты заочного отделения ставят на третье место, а дневного – на второе (по средним значениям). Ситуация поиска работы является для обеих подгрупп не только эмоционально притягательной, но и актуальной, хронологически оцениваемой как ближайшая, что связано для студентов дневного отделения с планированием профессиональной карьеры, а для студентов заочного отделения – со страхом потери нынешней работы либо с высокой неудовлетворенностью ею. Безработица, напротив, не называется студентами в числе наиболее важных, актуальных и приемлемых.

Далее была рассчитана матрица интеркорреляций по 10 выделенным респондентами элементам (критическим событиям) и по 3 предложенным экспериментаторами конструктам. Однако обилие и логическое противоречие значимых корреляционных связей не позволили установить целостной структуры в оценке исследуемых событий. Основная причина такой ситуации, на наш взгляд, в «навязывании» респондентам предложенных оценочных конструктов, что методологически можно было преодолеть с помощью проведения полной процедуры диагностики по методу репертуарных решеток.

Поэтому на следующем этапе исследования отношение к кризисным ситуациям выявлялось с помощью Rep-теста путем многократного ранжирования выделенных десяти элементов по различным основаниям – конструктам, предложенным самими респондентами (например, молодость – старость; активность – трудолюбие; болезнь – здоровье и др., а также не-

которые уникальные конструкты). Полученные 623 конструкта позволили, в свою очередь, выполнить две центральные исследовательские задачи.

На основании этих данных 10 исходных критических ситуаций были факторизованы в три основные группы (табл. 8), каждая из которых характеризовалась определенным оценочным набором конструктов.

Таблица 8

Результаты факторизации данных по элементам

Критические события	Результаты факторизации данных по элементам					
	Студенты дневной формы обучения			Студенты заочной формы обучения		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Экзамены	–	0,754	–	–	0,555	–
Рождение ребенка	–	–	-0,896	–	–	0,750
Поиск работы	0,512	–	-0,580	0,550	–	0,565
Смерть близкого человека	-0,603	-0,516	–	-0,655	-0,536	–
Стихийное бедствие	-0,777	–	–	-0,789	–	–
Пенсия	–	-0,786	–	–	-0,725	–
Безработица	0,778	–	–	0,824		–
Поступление в вуз	–	0,703	–	–	0,715	–
Болезнь	-0,581	–	–	–	-0,606	–
Соревнование	–	–	–	–	–	–
Доля объясни-мой дисперсии	0,36	0,14	0,1	0,13	0,38	0,11

Факторный анализ исследуемых элементов позволил выявить по три главных компонента для каждой подвыборки, структура которых практически дублируется в группах студентов дневного и заочного отделения. Так,в первый фактор с положительными весами вошли критические события «безработица», «поиск работы» и с отрицательными факторными весами «стихийное бедствие», «смерть близкого человека», «болезнь». Второй фактор образован критическими событиями «экзамены», «поступление

в вуз» на положительном полюсе и «смерть близкого человека», «пенсия» на отрицательном. Третий фактор объединил элементы «рождение ребенка» и «поиск работы» с отрицательным факторным весом у студентов дневной формы обучения и с положительным факторным весом у студентов заочной формы обучения.

Это свидетельствует о наличии широко распространенной и глубоко интериоризованной социальной установки в восприятии критических жизненных событий. Однако нас интересовал не столько сам факт обособления этих трех переменных, сколько их содержательная интерпретация, объясняющая субъективные причины отражения критических событий.

Далее нами были определены на эмпирической базе многообразнейших личностных конструктов 18 основных показателей, интегрированных с помощью контент-аналитической обработки и отражающих семантические аспекты восприятия и оценки критических событий (табл. 9).

Анализ семантической насыщенности установки по отношению к факторизованным кризисным событиям позволяет более подробно описать отношение к безработице.

На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1. Ситуация безработицы в обеих подгруппах является факторообразующим признаком, вносящим наибольший факторный вес в один из первых (главнокомпонентных) факторов (см. табл. 8). Это подтверждает то, что значимость безработицы в субъективной картине мира работающих граждан (студентов) очень высока и фокусирует вокруг себя другие, менее представленные кризисные события.

2. Кризисное явление «безработица» оценивается эмоционально как положительное, поскольку взаимодействует в восприятии студентов с другими позитивно окрашенными событиями. Отметим, что ситуации «смерть близкого человека» и «тяжелая болезнь» несут в нашем исследовании дополнительную функцию – они играют роль «компаса», всегда указывающего на негативный полюс (это закладывалось в особенности конструиро-

вания методики, включающей определение самых трагических, негативных ситуаций в жизни каждого). Студенты очного и заочного отделения, ставят «безработицу» в противовес таким событиям,как «смерть близкого человека» и «болезнь» (см. табл. 8), что подтверждает оценку ситуации безработицы как положительную.

Самостоятельно рассчитанные интеркорреляции, выше упоминавшиеся в тексте, подтверждают этот факт: приемлемость критического события «безработицы» показывает значимую отрицательную связь с событиями «смерть близкого человека» (при $p<0,05$, заочники – $r=-0,536$, дневники – $r=-0,638$) и «болезнь» (при $p<0,05$, соответственно $r=-0,536$, $r=-0,638$). Данные по группе студентов заочного отделения показывают значимую положительную корреляцию «безработицы» со «стихийным бедствием» ($p<0,05$, $r=-0,777$) и отрицательную – с «пенсией» ($p<0,05$, $r=-0,569$), что также подчеркивает положительный настрой на критическое событие «безработица».

Корреляционный анализ позволил определить, что такой элемент, как «поиск работы», является еще более положительным, чем «безработица», и ассоциируется с экзаменами, рождением ребенка и поступлением в вуз (по мнению студентов заочного обучения).

Обращение к семантической интерпретации выделенных факторов позволяет объяснить причины позитивного отношения к безработице, несмотря на выявленный ранее факт нахождения данного критического события на 6-й позиции (из 10 возможных) по шкале приемлемости. Во-первых, методология репертуарного метода позволяет апеллировать к истинным, а не демонстрируемым оценкам в восприятии мира. Во-вторых, безработица субъективно интерпретируется студентами как событие независимое от человека и возникающее не по его вине. При этом студенты дневного отделения отчетливо демонстрируют связанные с безработицей нейтральные либо позитивные переживания, а у студентов заочного отделения безработица ассоциируется с активностью и трудолюбием (см. табл. 9).

Таблица 9

Семантическая насыщенность установки по отношению к факторизованным кризисным событиям

Индикаторы контент-аналитической обработки данных	Частота встречаемости конструктов* в характеристике факторизованных элементов					
	в группе студентов дневного отделения			в группе студентов заочного отделения		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Активность, трудолюбие	18	32	15	12	21	22
Время	2	4	2	2	5	
Здоровье	-	-	-2	3	8	7
Значимость, интерес	2	-	6	-	3	4
Знание, опыт	-	5	2	6	3	11
Экстернальность	28	7	8	13	24	14
Качество личности	3	10	10	5	5	-
Контроль	-	-	-	2	-	-
Общение	-	-	3	3	-	4
Изменение, развитие, энтропия	29	21	33	20	25	30
Сила	-	3	3	2	3	-
Сложность	-	4	2	3	5	7
Страх, опасность	5	-	-	2	3	-
Стресс	8	12	-	15	8	7
Успех	8	9	2	13	8	11
Финансы	-	-	-	10	-	-
Аттрактивность	21	6	27	22	5	11
Уникальные конструкты	2	1	4	5	3	-

* Учитываются конструкты, упоминаемые в крайних областях распределения шкал, созданных в результате факторизации элементов

Ни один из показателей профессионального обучения не вошел в фактор, образованный безработицей и поиском работы (см. табл. 8), что означает полное разделение в субъективном пространстве студентов обучения и трудовой деятельности.

Студенты дневного отделения неадекватно воспринимают ситуацию безработицы, оценивая ее как эмоционально-притягательное событие для безработных граждан, не связанное с их активностью и уровнем профессионального образования.

Студенты заочного отделения также неадекватны в оценке кризисного явления «безработица». Но выражается это несколько иначе, чем у студентов дневного отделения, и связано с восприятием безработицы как события, не накладывающего глубокого эмоционального отпечатка на психическое здоровье безработных граждан. При этом респонденты не связывают собственный профессионально-квалификационный уровень с конкурентоспособностью на рынке труда.

В обеих подгруппах выявлено преобладание экстернальности в восприятии ситуации безработицы, что является характерным отношением к данному событию у российских граждан и определяет соответственно низкую активность при планировании профессиональной карьеры.

В целом обнаружено выраженное нейтрально-положительное отношение к ситуации безработицы. Это означает, что безработица у работающих граждан не вызывает страха, в отличие от таких событий, как смерть близкого человека или болезнь. Можно предположить, что отношение работающих к безработным гражданам не может содержать в этом случае элементов сочувствия, жалости и желания помочь в трудной ситуации. Скорее, им следует «завидовать» или даже укорять их в «оплачиваемом безделье».

2.3. Возможность реабилитации психического здоровья безработных граждан: влияние различных форм профессионального переобучения

Сегодня вопросы психологических детерминант безработицы и неэкономических способов реинтеграции безработных граждан в трудовую деятельность становятся крайне актуальными. Целью исследования являлось изучение возможности реабилитации психического здоровья безработных граждан посредством их профессионального переобучения. Последнее рассматривалось в качестве объекта и «пускового механизма» реинтеграции безработных в трудовую деятельность и, следовательно, базой для психической реабилитации.

В эксперименте приняли участие 34 мужчины и 63 женщины (средний возраст 35 лет при разбросе от 20 до 50 лет). Они были распределены по четырем самостоятельным группам: одной контрольной (работающие граждане) и трем экспериментальным. При этом все группы оказались сходными по половозрастным характеристикам, но различались по финансовому положению и уровню профессиональной квалификации их участников. Лица, вошедшие в группу работающих, находились, естественно, в лучшей финансовой ситуации и имели более высокую профессиональную квалификацию. Данные о продолжительности безработицы были предоставлены самими опрашиваемыми. Безработные в зависимости от места прохождения профессионального переобучения были распределены по трем группам: 1-я группа – безработные, стоящие на учете в центре занятости; 2-я группа – безработные, направленные центром занятости на курсы переобучения; 3-я группа – безработные, направленные центром занятости на курсы переобучения по ремесленным специальностям, с психологическим сопровождением.

Исследование безработных граждан проводилось в центре занятости Первоуральска, представляющего собой муниципальное учреждение по работе с безработной категорией населения, Профессионально-педагогиче-

ском колледже Екатеринбурга и Екатеринбургском социально-профессиональном лицее.

Отличие экспериментальных групп заключалось в социальных условиях, в которых находилась каждая группа граждан. Безработные граждане 1-й группы самостоятельно искали себе работу по имеющейся специальности, двух других получали дополнительную специальность, более востребованную на рынке труда, чем та, которая была у них прежде, т.е. имели больше шансов удачно трудоустроиться, чем безработные, состоявшие на учете в центре занятости. Однако в 3-й группе безработных, осваивавших ремесленные специальности, в ходе обучения большое внимание уделялось осознанию престижа учебного заведения и получаемой профессии, выработке уверенности в востребованности профессионалов данного типа, а наиболее успешным участникам даже могла быть выдана ссуда на организацию своего дела. Данное обстоятельство демонстрирует более выгодное положение безработных граждан данной подгруппы по сравнению с остальными безработными.

Экспериментальный дизайн заключался в сравнительном исследовании психологических переменных, сопряженных с ситуацией безработных, в вышеобозначенных группах.

Результаты исследования выявили, что по всем измеряемым показателям (глобальная самооценка, мотивация достижения, уровень притязаний и локус контроля) группа безработных граждан, переобучавшихся по ремесленным специальностям, имела значимые отличия от двух других групп. В частности, их психическое здоровье по индикатору глобальной самооценки не только нормализовалось, но и оказалось выше, чем у работающих граждан (рис. 3).

Был проведен сравнительный анализ средних значений исследуемых характеристик безработных граждан, переобучавшихся на курсах в центрах занятости, и безработных, переобучавшихся ремесленным специальностям. В абсолютных значениях разность между средними значения-

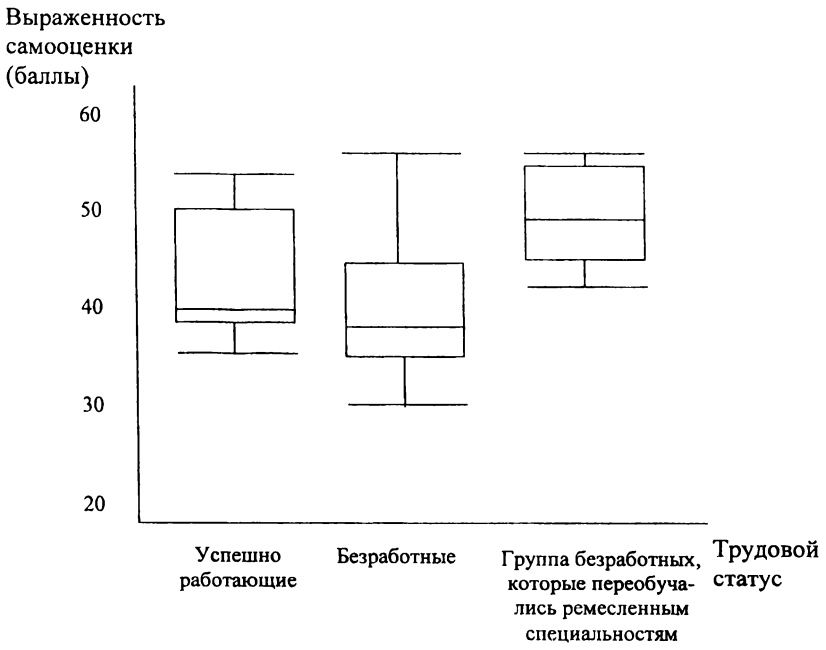

Рис. 3. Взаимосвязь самооценки, трудового статуса и переобучения с гарантией трудоустройства:
крайние горизонтальные линии – разброс значений; центральная горизонтальная линия – медиана; прямоугольник – область целого стандартного отклонения

ми по таким показателям, как мотивация достижения и уровень субъективного контроля, в этих группах составляет 2–10 баллов. В 1-й группе безработных граждан медианы уровня мотивации достижения и уровня субъективного контроля соответственно равны 124,64 и 27,08, а стандартные отклонения – 18,22 и 5,52; во 2-й группе медианы – 135,00 и 29,09 и стандартные отклонения 5,52 и 5,05 соответственно.

Однако по методу Фишера средние значения по рассматриваемым группам достоверно различаются лишь по уровням мотивации достижения успеха и притязаний, а по уровням глобальной самооценки и субъективного

контроля различия между группами оказываются незначимыми. Таким образом, возможная материальная поддержка и уверенность в гарантированном трудоустройстве из всех исследованных личностных переменных способствуют только усилению мотивации достижения и повышению уровня притязаний.

В отличие от других групп безработных, в группе переобучавшихся с гарантией трудоустройства прослеживается очевидная взаимосвязь самооценки и статуса безработного с социально-демографическими признаками: была выявлена прямая значимая связь между возрастом и уровнем притязаний ($r = 0,65$). На этом основании можно утверждать, что безработные более зрелого возраста имеют уровень притязаний выше, чем молодые. Это можно объяснить следующим предположением: с возрастом расширяется круг достижений и накапливается опыт, поэтому зрелый человек оценивает свои способности и возможности выше, чем молодой. Однако такая зависимость существует лишь на этапе зрелости, а дальше меняет свое направление.

В 3-й группе были обнаружены прямые корреляционные зависимости между уровнем образования, мотивацией достижения и уровнем субъективного контроля. Связь мотивации достижения и уровня субъективного контроля соответствует основным положениям теории Дж. Роттера, в которых определяется взаимосвязь между интернальным локусом контролем и успешностью человека во всех сферах жизнедеятельности. Соответственно люди с интернальным локусом контролем имеют более высокую мотивацию достижения, что определяет уровень их образования.

Наличие прямой связи между мотивацией достижения и уровнем образования свидетельствует о том, что люди с высоким уровнем образования более нацелены на достижение успеха, нежели на избегание неудачи. В современной социально-экономической ситуации востребованы образованные и квалифицированные кадры, поэтому безработные граждане, имеющие высокий уровень образования, более уверены в себе и в дальнейшем успешном трудоустройстве.

Кроме того, была обнаружена обратная связь между материальным положением безработного и его самооценкой: безработные с низким материальным положением имеют высокую самооценку и наоборот. Мы рассматриваем этот феномен как проявление действия защитных механизмов самооценки, позволяющих человеку повышать общую аффективную самоаттрактивность.

Только в 3-й экспериментальной группе была выявлена значимая обратная связь между полом и стажем безработицы, что позволяет нам предположить следующее: длительность безработицы зависит от пола безработного. Мужчины трудоустраиваются быстрее, чем женщины. Но так как ни семейный статус, ни социальная поддержка, ни ориентация на труд не измерялись, то считать доказанным данное положение невозможно, хотя многочисленные наблюдения подтверждают, что для мужчин работа имеет большее значение, чем для женщин. М. Хеннинг и А. Жарден, изучая гендерные различия в карьере, утверждали, что мужчина идентифицирует успехи в работе с успехами в жизни. Работа рассматривается для него как существенная составляющая часть его жизни, поэтому мужчины более заинтересованы в быстром трудоустройстве. Женщины же легче, чем мужчины, переносят состояние безработицы в силу своей природной флексибильности. Вероятно, поэтому стаж безработицы среди женщин несколько больше, чем среди мужчин. Эти выводы подтверждаются и тем, что безработные мужчины в этой группе имеют более низкую самооценку, чем женщины. Можно предположить, что причиной этого является большая требовательность мужчин к себе, оценивание себя по успехам, достигнутым в профессиональной сфере. Женщины же оценивают себя по иным параметрам, выходящим за пределы профессиональной жизни.

Несмотря на то что эти результаты соответствуют теоретическим ожиданиям и согласуются с зарубежными исследованиями, в первых двух группах безработных связь социодемографических данных с компонентами самосознания не обнаружена. Из этого можно сделать заключение, что обычно самосознание индивида, переживающего критическое событие

«безработица», лишь в малой степени детерминируется его социодемографическими данными, т.е. понимание субъектом его активностной роли и интернальности в создавшейся ситуации крайне низкое. Однако при изменении внешних условий (с появлением перспективы финансирования и уверенности в скором трудоустройстве) психическое здоровье индивида резко нормализуется и повышается его субъектность в восприятии кризисной ситуации «безработица».

В целом проведенное эмпирическое исследование некоторых социально-психологических феноменов, сопряженных с безработицей, позволило установить:

1. Достоверные различия в структуре личности успешно работающих, «потенциальных» и «реальных» безработных. Эти различия проявляются в уровнях выраженности и характере взаимосвязей в эмоциональных, мотивационных диспозициях и системе отношений. Причем наибольшую психическую нагрузку испытывают «потенциальные» безработные, а у «реальных» регистрируется действие адаптационных механизмов.

2. Снижение глобальной самооценки безработных граждан России и Германии, что свидетельствует о взаимосвязи между нарушением психического здоровья и потерей работы как базовой закономерности, которая не зависит от культурных различий и социально-демографических признаков.

3. Снижение уровня притязаний и мотивации достижения успеха у российских безработных.

4. Эмоционально положительную оценку социальной установки работающих граждан по отношению к ситуации безработицы, которая воспринимается российскими работающими гражданами достаточно позитивно, не вызывает у них страха, тревоги или отторжения.

5. Наибольшие реабилитационные возможности психического здоровья безработных граждан России связаны с переобучением, но лишь при условии субъективного ожидания высокой вероятности трудоустройства по новой профессии.

Заключение

Когда в середине 1990-х гг. массовая безработица только начинала свой разбег, одним перспективы виделись в мрачном свете – они туманно предрекали ничем не сдерживаемый рост незанятого населения, вплоть до кризиса на рынке труда, или указывали точный процент безработных, удваивающийся каждые 3–4 года. Другие (таких было меньше), напротив, уповали на грядущий подъем экономики и сокращение незанятого населения до минимального уровня. Третьи обращали внимание на аналогичные тенденции, пережитые капиталистическими странами еще в начале XX в., и предполагали стабилизацию общего уровня безработицы при увеличении доли долговременных безработных граждан. Мнения сходились лишь в одном: необходима не только экономическая поддержка, но и срочная разработка программ социально-психологической защиты незанятого населения.

Подтверждение экономических прогнозов, совпадавших с закономерностями, проявившимися в западных странах, совпало с «бумом» зарубежной психологической литературы, долгое время остававшейся для России запретным плодом, а теперь ставшим вдвойне желанным и доступным. В итоге панацеей от безработицы в социально-психологическом плане явилось прямое заимствование практических технологий работы с незанятым населением. По опыту западных служб занятости были разработаны психодиагностические методики, созданы клубы ищущих работу, где реализовывались программы тренингов коммуникативного и эмоционально-регулятивного свойства.

Однако вскоре стало ясно, что эффективность применяемых реабилитационных методов неизменно высока только в плане обучения социальным навыкам: поиску информации о вакансиях, отработки навыков участия в интервью, написании грамотно составленных и привлекательных

резюме. Что же касается психологических вмешательств и коррекций, то амплитуда их успешности в отношении повышения конкурентоспособности на рынке труда изменялась от случая к случаю, от одной группы к другой, от одного индивидуума к другому с непредсказуемым результатом – от феерического успеха до негативных последствий. Вывод оказался простым: без собственных социально-психологических исследований особенностей безработных граждан, без учета влияния неповторимой экономической ситуации в России, российского менталитета, без построения психологической характеристики российского безработного человека и модели его поведения в этой кризисной ситуации невозможно предложить действенные психологические техники реабилитации и поддержки.

Следует признать, что вначале мы во многом ошибались в своих предположениях и прогнозах. Так, мы придерживались гипотезы о большей психологической устойчивости российских граждан к ситуации безработицы по сравнению с немецкими. Нам казалось, что отсутствие постоянной работы означает нарушение глубинных слоев самоуважения только для трудолюбивых немцев. Но индикация уровня психического здоровья безработных граждан России показала, что мы глубоко заблуждались. Мы также были уверены в том, что на фоне действительно негативного эмоционального переживания безработными своего положения, отношение работающих к потенциальной ситуации потери работы будет негативным или по крайней мере нейтральным. Но факты вновь опровергли наши предположения: социальная установка работающих граждан по отношению к ситуации безработицы оценивается эмоционально как положительная, работающие граждане не испытывают страха оказаться безработными или тревоги по этому поводу. Одним из наших последних заблуждений стало то, что сам факт приобретения новой специальности по направлению служб занятости (при достоверно высоком проценте трудоустройства переобучившихся граждан) послужит аналогом психологических тренингов

повышения самооценки и коррекции психического здоровья. Исследования убедили нас в другом: само по себе переобучение не дает положительного эффекта. Видимо, важны не столько объективные данные об успешном развитии карьеры у других безработных после прохождения переобучения (предоставляемые службами занятости), сколько субъективная уверенность в престижности и востребованности вновь получаемой профессии. Лишь в этом случае переобучение приводит к восстановлению (и даже к улучшению) психического здоровья.

Таким образом, психологическая картина влияния безработицы на личность и поиск реабилитационных механизмов не могут быть построены ни на аналогичных исследования западной психологии, ни на логических умозаключениях отечественных ученых. Необходимы комплексные, всесторонние исследования безработицы, различных форм ее проявления и воздействия на отдельного человека и общество в целом. И, как теперь стало очевидным, мы находимся лишь в начале пути российских исследований в этой области, который в одиночку не в состоянии преодолеть ни один авторский коллектив. Этот путь должен быть пройден нами совместно: самими безработными, работниками служб занятости, практическими психологами и социальными работниками, учеными всех направлений и представителями государственных структур.

Наш авторский коллектив приглашает к обсуждению и исследованию данной проблемы всех заинтересованных в ее решении ученых и практических работников.

Библиографический список

Аргайл М. Психология счастья. М., *1990.*

Бернс Р. Развитие «Я»-концепции и воспитание. М., *1986.*

Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Здоровье как предмет междисциплинарного исследования: подходы и проблемы //Прикл. психология. *2001.* №5.

Виткин Дж. Женщина и стресс. СПб., *1996.*

Волошина И.А., Гребенников В.А. Психологическое исследование изменения личностных характеристик безработных //Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. *1998.* №3.

Гармашев А.А. Активность безработного по обеспечению собственной занятости и условия ее оптимизации: Дис. ... канд. психол. наук. Белгород, *1996.*

Гильдингерш М.Г. Безработица в России: сущность, формы, социальные последствия в условиях перехода к рынку: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., *1995.*

Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Безработные: особенности российского бытия //Социол. исслед. *2001.* № 5.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальные эффекты и структура безработицы в России //Социол. исслед. *2000.* № 1.

Гришанова З.И., Левченко Е.В. К вопросу о диагностике психического здоровья личности //Прикл. психология. *2002.* № 2.

Гуревич М.А., Радиловская Т.Ю. Безработица в Челябинске: факты и мнения //Социол. исслед. *1997.* № 10.

Дановский С.Л. Социологическая и психологическая характеристика безработных //Социол. исслед. *1994.* № 5.

Демин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации //Социол. исслед. *2000.* № 5.

Джемс У. Личность //Психология личности: Тексты /Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.Б. Пузырея. М., *1982.*

Ельчанинов П.М. Женская безработица на селе //Социол. исслед. *2001*. № 12.

Залученова Е.А. Самооценка: Дис. ... канд. психол. наук. М., *1995*.

Захарова А.В. Генезис самооценки: Дис. ... д-ра психол. наук. М., *1989*.

Исмагилова Ф.С. Основы профессионального консультирования. Екатеринбург, *1999*.

Карташов С.А., Дановский С.Л. Социальная динамика безработицы в Москве //Социол. исслед. *1998*. № 12.

Колобкова А.И. Особенности самооценки в связи с критическим событием – потерей и отсутствием работы (на материале работающих и безработных граждан Германии): Дис. ... канд. психол. наук. Пермь, *1999*.

Кон И.С. Открытие «Я». М., *1978*.

Коптева Н.В. К вопросу о диагностике психического здоровья младших школьников //Вестн. Перм. гос. пед. ун-та. Сер. Психология. *2002*. №1–2.

Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д., *1998*.

Леана К., Фельдман Д. Как справиться с потерей работы. М., *1995*.

Манила С., Лахельма Э. Безработица и больные: некоторые проблемы и результаты финского исследования по безработице //Труд и общество: Материалы сов.-фин. семинара по социол. тр. М., *1988*.

Миляева Л.Г., Маркелов О.И., Подольная Н.П. Женская безработица в Алтайском крае //Социол. исслед. *2001*. № 8.

Осницкий А.К., Чуйкова Т.С. Саморегуляция активности субъекта в ситуации потери работы // Вопр. психологии. *1999*. № 1.

Пельцман Л. Стрессовые состояния у людей, потерявших работу //Психол. журн. *1992*. Т. 13. №1. С.

Психологические аспекты собеседования с безработными: Метод. пособие /Сост. В.Е. Сегачев. Саратов, *1995*.

Рикка Р. Служба занятости: природа, назначение, функционирование: Пер. с фр. М., *1993*.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., *1989*. Т. 1.

Словарь практического психолога /Сост. С.Ю. Головин. Минск, *1997*.

Столин В.В. Самосознание личности. М., *1983*.

Тульчинский М.М. Особенности самооценки и уровня притязаний в позднем возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. М., *1996*.

Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change //Psychological Review. *1984*.

Bandura A. Expercise of personal agency throught the self-efficacy machanism. Washington, *1992*.

Becker O. Arbeit und seelische Gesundheit. Goettingen, *1986*.

Becker O. Theoretischer Grundlagen. Weinhaim, *1991*.

Buessing A. Arbeitsplatzunsicherheit und Antizipation von Arbeitslosigkeit als Stadien des Arbeitslosigkeitsprozesses //Soziale Welt. *1987*. №38 (3).

Buessing A. Arbeitslosigkeit – Differentielle Folgen aus psychologischer Sicht //Arbeit. *1993*. № 2.

Coopersmith S. The antecedents of self-esteem. San Francisko, *1967*.

Cvetanovski J., Jex S.M. Locus of control of unemployed people and its relationship to psychological and physical well-being //Work, Stress. *1994*. № 8 (1).

Dilling H., Mombour W., Schmidt M.H. Schulte-Markwort. Internationale klassifikation psychischer Stoerungen. ICD – 19 kapitel V (F). Fopschungskrieterien. Goettingen, *1994*.

Eisenberg P., Lazarsfeld P.F. The psychological effects of unemployment //Psychological Bulletin. *1938*. № 35.

Fryer D. The mental health costs of unemployment: Toward a social psychological concept of poverty //British Journal of Clinical and Social Psychology. *1990*. № 7 (4).

Jahoda M. Current concepts of positive mental health. N. Y., *1958.*

Jahoda M. Wieviel Arbeit braucht der Mensch? Weinheim; Basel, *1983.*

Kelvin P., Jarrett J.E. Unemployment. Its social psychological effects. Cambridge, *1985.*

Kieselbach T. Arbeitslosigkeit //In Bundesgesundheitsamt (Ed.) Gesundheitsbericht, *1997.*

Owens T.J. Accentuate the positive – and the negative: Rethinking the use of self-esteem, self-deprecation, and self-confidence //Social Psychology Quarterly. *1993.* № 56.

Pearlin L.I., Schooler C. The structure of coping //Journal of Health and Social Behavior. *1978.* № 19.

Piven F.F., Cloward R.A. Regulierung der Armut die Politik der Oeffentlichen Wohlfahrt. Frankfurt, *1977.*

Rosenberg M. Conceiving the self. N. Y., *1979.*

Rosenberg M. Society and adolescent self-image. Princeton, *1965.*

Rosenberg M. Psychological selectivity in self-esteem formation //Social Psychologie of the self-concept /Rosenberg M., Kaplan H. (Eds.) Arlingyon Heights, *1982.*

Rosenberg M. The self concept: Social product and social force // M.Rosenberg, R.H.Turner (Eds.) Social psychology: Sociological perspectives. N. Y., *1981.*

Rosenberg M., Kaplan H.B. (Eds) Social psyhology of the self-concept. Arlington Heights, *1982.*

Rosenberg M., Pearlin L.I. Social class and self-esteem among children and adults //American Journal of Sociology. *1978.* № 84.

Rosenberg M. et al. Global self-esteem and specific self-esteem: Different concepts, different outcomes //American Sociological Review. *1995.* № 60.

Schwarzer R. Optimistische Kompetenzerwartung: Zur Erfassung einer personellen Bewaeltigungsressource //Diagnostica. *1994.* № 40 (2).

Seligman M.E.P. Erlernte Hilflosigkeit. Muenchen, *1979.*

Wacker A. Arbeitslosenforschung – Fragestellungen, Trends, Problem //In K.-H. Balon, J. Dehler, B. Hafeneger (Eds.). Arbeitslosigkeit – wider die Gewoehnung an das Elend. Frankfurt, *1986.*

Wacker A. Differentielle Verarbeitungsformen von Arbeitslosigkeit – Anmerkungen zur aktuellen Debatte in der Arbeitslosenforschung //Probleme des Klassenkampfes. *1983.* № 13.

Wacker A. Die Marienthal-Studie – 60 Jahre spaeter. Marie Jahoda zum fuenfundachzigsten Geburtstag. Hanover, *1992.*

Wacker A. Streifzuege durch die Arbeitslosenforschung – im Abseits der Erwerbsgesellschaft (in press). *1989.*

Wacker A., Kolobkowa A. Hin und wieder denke ich, dass ich gar nichts tauge //Blaetter der Wohlfahtts pflege – Deutsche Zeitschrift fuer Sozialarbeit. *1998.* №7,8.

Оглавление

Введение 3

Глава 1. БЕЗРАБОТИЦА И ЕЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ: АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ 6

1.1. Исследование социального явления «безработица» в зарубежной теории и практике 6

1.2. Аналитический обзор исследований безработицы в России 12

1.3. Психологические особенности человека в ситуации потери работы: результаты опубликованных исследований 25

1.4. Психическое здоровье как показатель влияния безработицы на человека 31

Глава 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ, СОПРЯЖЕННЫХ С БЕЗРАБОТИЦЕЙ 45

2.1. Особенности личности и психическое здоровье безработных граждан: результаты кросс-культурного германо-российского сравнительного анализа 45

2.2. Изучение социальной установки по отношению к ситуации безработицы 62

2.3. Возможность реабилитации психического здоровья безработных граждан: влияние различных форм профессионального переобучения 71

Заключение 77

Библиографический список 80

Глуханюк Наталья Степановна
Колобкова Анна Игоревна
Печеркина Анна Александровна

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Редактор Л.И. Кузнецова
Компьютерная верстка В.Э. Багиной, Д.Е. Беловой

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 10.03.03 . Формат 60х84/16. Бумага писчая №1.
Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 500 экз. Заказ № 42.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Размножено с готового оригинала-макета в типографии УрО РАН.
620219, Екатеринбург, ГСП-169, ул. С. Ковалевской, 18.